

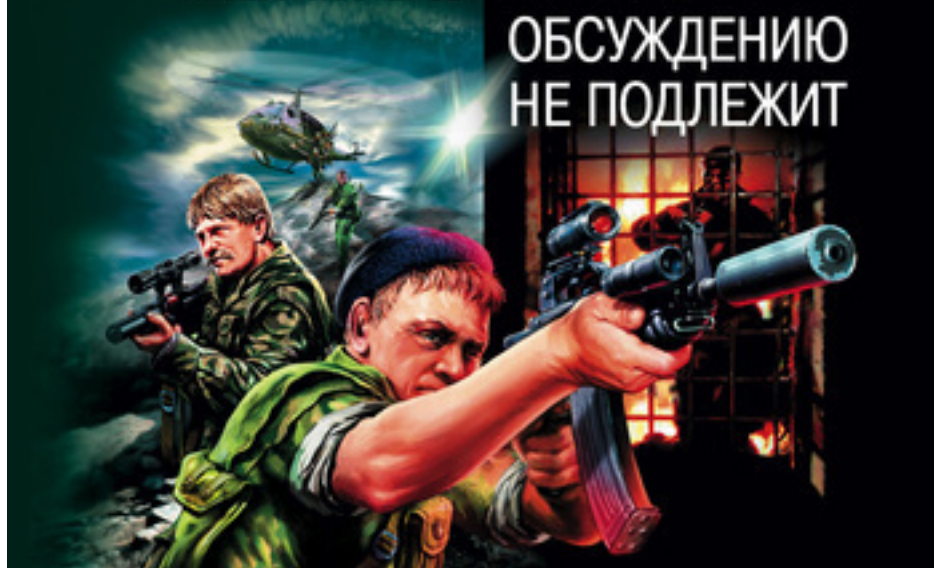
★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

ПРИКАЗ
ОБСУЖДЕНИЮ
НЕ ПОДЛЕЖИТ

Марковцев

Михаил Нестеров

Приказ обсуждению не подлежит

«ЭКСМО»

2004

Нестеров М. П.

Приказ обсуждению не подлежит / М. П. Нестеров — «Эксмо», 2004 — (Марковцев)

В Сирии при проведении операции спецназа ГРУ по уничтожению известного арабского террориста попали в плен двое русских и двое немцев. Чтобы их спасти, российские спецслужбы придумали сложный и четкий план. Возглавлять это дело поручили полковнику ГРУ Михаилу Артемову. Однако тщательно продуманная операция из-за нелепой случайности чуть было не привела к провалу... Впрочем, спецназовцы не привыкли сдаваться. Даже в самой отчаянной обстановке они найдут выход. И поражение смогут превратить в победу...

Содержание

Пролог	5
Часть 1	11
Глава 1	11
Глава 2	25
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Михаил Нестеров

Приказ обсуждению не подлежит

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.

*Иногда мы вынуждены убивать,
но наше дело – спасать людей.*
Стивен Кинг. «Ловец снов».

*Тем, кто не слышал музыки,
танцующие казались безумными.*
Анжела Монэ

Пролог

В ЗАКРЫТОМ РЕЖИМЕ

1

Латакия, Сирия, декабрь 2003 года

Человек лет двадцати пяти, одетый в синюю тюремную робу, сидел перед профессиональной видеокамерой «Сони» и держал свободные руки на коленях. Его лицо, с синяками и ссадинами, скрывала белая маска с прорезью для глаз, похожая на широкий колпак и ниспадающая на плечи. Если бы его раздели, то ужаснулся бы даже репортер катарского телеканала «Аль-Джазира», проводивший съемку. От бесчисленных побоев на теле заключенного не было живого места.

Первый же допрос в следственном изоляторе сирийской госбезопасности начался с пыток. Не сразу, но по истечении сорока восьми часов молчания арестованного. Им предшествовало ленивое откровение человека лет пятидесяти пяти, которого оперативники «Мухабарата» называли полковником:

– Своих пытаем...

А продолжение стояло в его блеклых глазах: «Чего говорить о чужих...»

Человек, сидящий перед видеокамерой, прошел хорошую подготовку, он мог работать практически в любой восточной стране. У него был безупречный ливанский акцент, так что невозможно определить его национальность, хотя по виду он – европеец. Вряд ли славянин – пришли поначалу к неверному выводу оперативники службы сирийской госбезопасности: волосы черные, глаза карие, нос с горбинкой. И сейчас он говорил на арабском, делая короткие паузы. Ему оказали услугу: скрыли лицо, чтобы его не узнали родственники. А те, к кому он обращался, узнают его в любом случае.

Он был в звании лейтенанта российского ВМФ и говорил глуховатым голосом. Но в ушах российского офицера стояли слова руководителя спецоперации: «Хорошо поработали, ребята. Конец связи».

– Я не называю своего имени. Но я обращаюсь к руководству своей страны. Я один из тех людей, которые ликвидировали Магомеда, также известного под именем Мохаммед-Эфенди. Я и мой товарищ остались живы, и мы находимся в тюрьме. Мы просим руководство нашей страны принять меры к нашему освобождению. Еще есть время подготовиться к переговорам, чтобы обе стороны подошли к вопросу об освобождении с пониманием и готовыми предложениями...

Он неотрывно смотрел в объектив видеокамеры и знал, что произойдет дальше...
«Конец связи».

СВОДКА

15 декабря 2003 года в Веденском районе Чечни был обстрелян автомобиль с военнослужащими. Один человек погиб, четверо ранены. Группа спецназа ВМФ, прикомандированная к военной комендатуре Веденского района, 15 декабря не вышла на связь с командованием. Подразделение морской пехоты в количестве 12 человек прибыло 12 декабря в Веденский район для проведения спецоперации по поиску отрядов полевого командира Шамиля Басаева. Ответственный за операцию и комендант Веденского района от комментариев отказались. Поиски группы спецназа ведутся силами федеральных войск и ОМОНа. В поисках также задействованы два вертолета федеральных сил. По состоянию на 18 декабря поисково-спасательная операция результатов не принесла.

Месяц спустя

– Я по-прежнему не называю своего имени, но по-прежнему обращаюсь к руководству своей страны. Я один из тех людей, которые ликвидировали Магомеда, больше известного по имени Мохаммед-Эфенди, на его вилле. Мы просим руководство своей страны принять меры к нашему освобождению...

СВОДКА

12 января 2004 года представитель штаба Объединенной группировки войск сообщил, что за истекшую неделю в Чечне отмечено девять обстрелов блокпостов, четыре нападения на автоколонны, три обстрела гражданских административных зданий, один обстрел железнодорожного состава. Боевые столкновения были отмечены в Шалинском, Наурском, Веденском и Ножай-Юртовском районах, в двух районах Грозного. Возле селения Хачарой Веденского района при проведении спецоперации погибли четыре офицера спецназа, шестеро получили ранения. По отряду Басаева был нанесен мощный огневой удар вертолетами Ми-24. Более 20 боевиков уничтожены. По предварительным данным, часть изъятого у боевиков оружия могла принадлежать группе спецназа ВМФ, пропавшей 15 декабря прошлого года в Веденском районе. Поиски морских пехотинцев продолжаются.

Два месяца спустя

– ...Власти страны, в которой я нахожусь под стражей, в последний раз любезно оказали мне услугу не называть ни своего имени, ни имени моего товарища, а также страны, гражданином которой я являюсь. У меня не осталось сил, ровно через месяц я назову свое имя на своем родном языке, имя руководителя, который проводил спецоперацию по ликвидации

Мохаммеда-Эфенди. Я буду вынужден назвать страну, гражданином которой я являюсь. Я очень прошу: сделайте все возможное для нашего освобождения. Мне не хочется думать, что о нас забыли, и я прошу прощения за то, что буду вынужден сделать – назвать себя. Прошу вас, не думайте, что я подстегиваю вас таким образом, просто – я повторяю – у меня не осталось сил...

СВОДКА

В течение минувшей недели в ходе разведывательно-поисковых мероприятий подразделения федеральных сил около десяти раз вступали в столкновения с боевиками, в том числе в Веденском, Ачхой-Мартановском, Урус-Мартановском и Шалинском районах. В ходе одной из таких операций в горах была разгромлена банда боевиков численностью 20 человек, скрывавшаяся на базе, оборудованной в пещере; уничтожены 11 боевиков. Боевые вертолеты, оснащенные тепловизорами, нанесли 17 февраля 2004 года удары по чеченским бандгруппам в горных районах на юге республики. Представитель штаба Объединенной группировки войск сообщил, что поиски пропавших 15 декабря 2003 года спецназовцев ВМФ продолжаются ¹.

2

Москва, 19 марта 2004 года, пятница

Генерал-майор Борович, возглавлявший управление «М» Минобороны, в очередной раз перечитал досье на четверых человек. Трое из них проходили службу в Главном разведывательном управлении, но в силу разных причин оставили занимаемые должности. Один из них – майор Вячеслав Казанцев – уволился в декабре прошлого года. В ГРУ он работал в Восьмом управлении (отдельные страны). Причина увольнения неизвестна. «Истинная причина», – поправил генерал-майор. Стены «Аквариума» Казанцев покинул тихо, можно сказать, незаметно. И сам он был личностью серой. Генералу же для предстоящей работы нужна была кандидатура более яркая, но с существенной поправкой: засветившаяся.

Следующий – подполковник Александр Ерников. Боевой офицер, командовал батальоном спецназа, был уволен со службы после того, как бойцы его подразделения в июне 2003 года провели зачистку в одном из сел Курчалоевского района Чечни, в результате которой погибли четверо мирных жителей. Однако оправданием, что ли, для комбата Ерникова послужили девять убитых во время этой спецоперации боевиков, среди которых оказались трое арабов-наемников.

Полковник Михаил Артемов. Две страницы машинописного текста на военного разведчика просились называться «Делом Артемова». Нет, с «Делом Веннерстрема» (предательство генерала ГРУ Полякова, который выдал ЦРУ агента советской военной разведки Сига Веннерстрема) оно равняться не могло даже качественно. Артемов работал на ГРУ, и только на ГРУ, «в связях, порочащих его», замечен не был. Кроме единственного случая, который и стал роковым в карьере сорокалетнего полковника военной разведки.

Неофициальная характеристика на старшего оперативного офицера Артемова была короткой: «Честный малый». На официальную же не хватило материалов. Генерал Борович возглавлял управление Минобороны, и доступ к х-files военной разведки для него был закрыт наглухо, как чугунным люком.

¹ Сводки составлены по материалам еженедельника «Независимое военное обозрение».

По идее, Александр Борович сделал выбор, остановившись на кандидатуре Михаила Артемова, но его отпугивала эта неофициальная характеристика: «Честный малый». Много лет проработавший в оперативном управлении Главка. Честный, но с огромным родимым пятном. Что, конечно, не очень красит человека. «Родимое пятно», – хмыкнул над точным определением генерал. От рождения. Все привыкли к нему и не замечают. Но вот родинка вдруг становится заметной, словно кусок грязи, брошенный в лицо.

В связи с этим Боровичу вспомнилось из катехизиса Кира Булычева: «Честность тоже может стать опасным колющим оружием».

И еще из советов писателя-фантаста: «Когда хочешь ударить ногой кошку, посмотри, не занес ли над тобой ногу слон. Помни, что, когда тебя ставят перед выбором: «Направо пойдешь – голову потеряешь, налево пойдешь – все остальное потеряешь», следует поискать третий путь. Позвоните маме. Ведь уже три дня вы никак не соберетесь это сделать».

Борович снял трубку и позвонил – военному прокурору генералу Румянцеву. И не воспользовался советом человека с ястребиным профилем, но добрыми улыбочивыми глазами: не посмотрел, не занес ли над ним ногу слон.

– Борович. Здравствуй, – приветствовал генерал прокурора. – Еще раз уточни, на какое число назначены последние слушания по делу Артемова.

– На 25 марта, – прозвучал ответ Румянцева. – 29-го, в понедельник, будет оглашен приговор.

– Это точно? – Борович на полях досье сделал пометку: 25–28 марта.

– Точнее не бывает.

«Впритык», – подумал начальник минобороновского управления. Фактически он успевал к визиту главы немецкого военного ведомства в Россию.

– Прессу допустят на оглашение приговора? – спросил он.

– О чем ты говоришь!

– Да или нет?

– Да нет же! Все заседания по делу Артемова носят закрытый характер.

– Хорошо бы запустить в зал суда парочку журналистов. Хотя бы как частных лиц.

– Я такие вопросы не решаю. – Генерал Румянцев первым положил трубку. Он и не поздоровался с коллегой, и не попрощался. На что Борович даже не обратил внимания.

Александр Анатольевич не без оснований вспомнил о другом визите, состоявшемся не так давно. В Москве побывал министр обороны Сирии Мустафа Тлас. Сирийский генерал сделал заявление на приобретение новейшего наступательного оружия: оперативно-тактических ракет «Искандер», ударных вертолетов, истребителей Су-30, ракетных катеров класса «Молния» и прочего в том же духе. У Сирии солидного финансового фундамента нет, размышлял Борович, это всем известно. Однако молодой президент Башар Асад идет путем своего отца Хафеза, который был непременным участником всех антиизраильских коалиций. Но если заявка на оружие сделана, то кто-то обязательно проплатит.

На Ближнем Востоке опять назревала новая война.

Разразись она завтра – это облегчило бы положение крупных российских военачальников и самого генерала Боровича, готовивших очередное диверсионное мероприятие на территории страны, с которой по сей день Россию связывал договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный еще в 1980 году.

Имея неплохой материал на эту тему, начальник управления даже посидел за картой. Он словно планировал вторжение в Израиль.

Оперативный замысел такой операции предусматривает восстание палестинцев и атаки их формирований. Одновременно на территорию Израиля должны проникнуть и присоединиться к действиям палестинцев диверсионные формирования Ливана и Сирии. Наступательная группировка ливанской армии во взаимодействии с сирийским танковым корпусом и под-

разделениями «Хезболлы» с рубежа Нагура – Бинт – Джебель прорывает израильскую границу и продвигается в направлении Афулы. Сирийская армия, сосредоточившись юго-восточнее Голанских высот, наносит удар встык между их южных скатов и иорданской границы в направлении Хайфы. Сирийские же танковые дивизии поворачивают на юг, наступая по прибрежной долине на Тель-Авив...²

«Авантюра?» – спросил себя генерал. Да – если бы не один существенный факт – наличие целой палестинской армии внутри страны. Он и обуславливает очевидную реальность войны с перевернутым фронтом, срыв мобилизационных планов...

Основная группировка сирийских войск расположена в южной части страны, а с началом военных действий оголится и западная часть – побережье, основные силы ВМС будут переброшены на юго-запад. Из пятнадцати вертолетов в районе Латакии останется пара и ни одного танкодесантного корабля. Лишь батареи противокорабельных ракетных комплексов останутся на своих местах.

Генерал даже посмотрел в окно, выходящее на Пречистенку. Он словно надеялся разглядеть колонны танков,двигающихся маршевой скоростью в сторону Израиля, и – пустынный берег в районе сирийского порта Латакия...

Он подумал о том, что визиту главы бундесвера в Россию будет предшествовать визит самого Боровича в Германию. Через пять дней – в среду, 24 марта – Александр Анатольевич ступит на немецкую землю как частное лицо. А встречать его будет группа из отдела боевого планирования управления «М».

3

29 марта 2004 года, понедельник

...Полковник Михаил Артемов не оправдывался, не напирал, он просто излагал факты, большая часть которых не могла быть подтверждена документально, разве что подкреплена свидетельскими показаниями. За два часа он ответил на множество вопросов. Все они, разумеется, касались генерал-полковника милиции Кудряшова и его убийцы – морского пехотинца Николая Ильина.

– За день до убийства замминистра Кудряшова вы встречались с Николаем Ильиным?

– Да.

– О чем шел разговор между вами и Ильиным?

– Это конфиденциальная информация.

– Допустим, такая имела место, когда вы беседовали с ним в спецвагоне. А три недели спустя Ильин говорил о своих планах?

– Нет.

– Разве?

– Скажем так: я мог догадаться о его намерениях.

– Могли догадаться или догадывались?

– Ильин был единственным человеком, кто мог доказать вину генерала в смерти спецназовцев. Не перед следствием, не перед судом... Он сказал: «Я не хочу, чтобы все об этом знали, я хочу, чтобы знал ты».

– Простой матрос обращался к вам, старшему оперативному офицеру военной разведки, на «ты»?

² Марк Штейнберг. «Независимое военное обозрение».

- Такая форма общения устраивала нас обоих.
- Мы сделаем выводы из ваших слов.
- Не сомневаюсь.

Один резкий голос сменил другой, еще более каркающий:

- Не зарывайся, полковник!

На смену «злому» следователю пришел «не очень злой».

- Еще раз изложите хронологию событий.

– 20 февраля в 7.10 я прибыл в Новоград рейсом самолета Москва – Новоград. В восемь ровно я был на железнодорожном вокзале Московский. В 8.30 приготовился к беседе с осужденным Ильиным. Начальник этапа пошел за осужденным, а я приготовил все для беседы, наговорил на диктофон: «Новоград, вокзал Московский, вагон с этапированными, 8.31...»³

– Чем вы руководствовались, склонив старшего лейтенанта Родкевича к нарушению инструкций конвойной службы?

- Я уже отвечал на этот вопрос.

- С какой целью вы прибыли в Новоград?

- Это закрытая информация. Я только что об этом говорил.

- Какие вопросы вы задавали Ильину? Почему запись на пленке оказалась стертой?

Почему в вашем портфеле не оказалось никаких бумаг?

– Отчего же?.. Там были газета «Военно-промышленный курьер», журнал «Лиза». Чем не бумаги?

Последний допрос в Генпрокуратуре вышел особо нервным, вопросы повторялись с невероятной частотой и постоянством. Следователи, получив указания сверху, не допрашивали, а морально молотили, избивали полковника военной разведки до синяков, до предсмертных судорог. Суд над ним также будет походить на расправу. Он пройдет в закрытом режиме; есть люди, которые предаются суду в обстановке полной секретности, и они чаще всего получают пожизненные сроки.

Военный судья спрячет под черной судейской рясой форму – но так, чтобы были видны отложной воротничок кителя и нарочито ослабленный узел стильного, не по форме, галстука. Он зачитает приговор скороговоркой, так что ничего разобрать будет нельзя. Полковника лишат воинского звания, «бантиков... ленточек... то есть орденов», как сказал бы один из героев Луи де Фюнеса. А у Артемова и нет «настоящих» наград, лишь алюминиевые, отстреливающие в честь какого-нибудь армейского юбилея, «болванки». Себе мог сказать, что работал на коротенькую орденскую планку, но, по-булгаковски, никогда ничего не просил у тех, кто над ним. Он не мог сказать, что очень уж любит свою работу, а просто, скрывая что-то сентиментальное в груди: «Я это дело люблю». Неопределенно, но верно.

Артемов ничего такого не планировал, но буквально выдал в своем последнем слове. Судья, прежде чем удалиться на последнее короткое совещание, спросил, есть ли что сказать его подопечному.

– Да, – ответил Артемов, вставая и застегивая пуговицы на кителе. И процитировал Шнура, отчего судья весь закутался в свою мантию; он слушал военного разведчика с выпученными глазами. – «Нет друзей и нет приятелей, нет врагов и нет предателей. Многим из нас уже жить не хочется, все мы дрочим или дрочимся». У меня все, ваша честь.

Получасом позже с груди полковника Михаила Артемова содрали «алюминиевые болванки» и смотали шелк с его звезд на погонах в грязно-золотистый клубок...

³ Роман «Оперативное вторжение» из серии «Спецназ ГРУ» Михаила Нестерова.

Часть 1

НЕМЦЫ В РОССИИ

Глава 1

ШПИОНСКИЕ ИГРЫ

4

Москва, 31 марта 2004 года, среда

Настроение было ни к черту. Как у крокодила Гены, который играл на гармошке веселые мелодии и распевал грустным голосом. Нет, не песни он пел, а тексты исполнял под гармошку. Отбывал повинную в собственном доме. Как и Михаил Артемов, вставший, как всегда, рано утром. Но на работу не пошел. Потому что никакой работы у него уже не было.

Все сейчас раздражало Михаила Васильевича, даже голос диктора на «Радио России», объявлявшего прогноз погоды. Он, казалось, вопрошал: «Во Владикавказе плюс четыре, облачно. В Волгограде плюс семь, ясно?»

Ясно, что ясно. Тут же припомнилось странное выражение из далеких школьных: «Без сопливых солнце светит». Выходит, с сопливыми оно не светит, что ли? Какой дурак это придумал – сопливый или несопливый? И вообще, почему в бывшем Сталинграде сейчас плюс семь, а в Москве ртутный столбик сполз до минус трех?.. Потому что в Москве арбузы растут хуже или в Волгограде ртуть легче?

Секретарша, с которой Артемов проработал пять лет, именно вчера, на закате, как говорится, впервые перепутала его отчество с фамилий – назвала Михаилом Артемовичем. Назло, с умыслом. С каким – черт его разберет. Намекнула, что он только-только вступил в пору зрелости, особо переживать не стоит. Искусственно состарила его на пять лет, ибо широченная зрелая полоса лежит от сорока пяти до шестидесяти. Сбрендить можно. В шестьдесят ты еще наливной парень, а в шестьдесят один начинаешь приучать себя к запаху ладана. И дышишь на него до девяноста... А если откроется вдруг второе дыхание, все: ты – долгожитель!

Вот бред! Кто придумал эту дурацкую градацию? Несопливый?..

Артемов поймал себя на мысли, что начинает убивать время. Если мультяшный крокодил тыкал в клавиши своей тульской гармошки «у прохожих на виду», то Артемов, сидя перед японским монитором в полном одиночестве, слепо ткнул в клавишу «Пуск», словно что-то прорвет, о господи, и его куда-то там допустят, пусть пока что виртуально выпишут какой-никакой допуск. После «Пуска» решил взять «все». Стрелка мыши (стильная, зараза, с тенью) полезла на вкладку «Все программы». Не останавливаться же... Дальше больше: «Стандартные», «Развлечения».

«Интересно, что там в развлечениях?» – призадумался крокодил Артемов. Открыл эту вкладку. Оказалось, всего два «развлечения»: громкость и звукозапись. Как хочешь, так и развлекайся.

Эх, прости господи, просрал такую работу!.. Был же специалистом. Раньше так думал на ходу, что ли, особо не вникая в смысл этого профессионального слова. Сейчас за «специальностями» лез вслед за интеллектуальной компьютерной мышью.

Компьютерные специальные возможности оказались... экранной лупой. Все, дальше «специально развлекаться» не стоит. Потому что без труда угадывал, что там, за лупой.

Лучше посмотреть – точнее, подглядеть в «Недавних документах», – что читает на досуге его дочь-школьница. Двенадцать лет дочери, а мыслит и разговаривает не поймешь как. Получая что-нибудь в подарок, она не говорит кроткое или обрадованное спасибо, а буквально комментирует: «Ой, надо же, прелесть какая! Не ожидала, честно. Слушай, пап, ну ты прям молодец!»

Итак, документ. Он назывался «Экология Фидо». Артемов напрягся: что-то развратное почудилось ему в этом «Фидо». А экология в его интерпретации превратилась в «предохранение». Не дай бог... Он открыл документ и прочел:

«Фидошник – существо, внешне похожее на гибрид слона с поросенком.

Юзеры – розового цвета, у них тонкая нежная кожа и глаза большие, глупые и добрые.

Поинт похож на юзера, только шкура поглубже и не такая розовая, а в глазах доброты меньше.

У сисопов шкура толстая, покрытая жесткой щетиной и шрамами от прошлых битв, вся грязно-бурая – никакой розовости нет и в помине, у основания хобота имеются клыки».

«Как и я, сходит с ума», – пришел к выводу несчастный отец-разведчик, сравнив себя с фидошником.

Всю свою сознательную жизнь полковник Михаил Артемов был разведчиком, работал на разведку, точнее, был ее маленьким винтиком-шпунтиком. В теплых ли тапочках перед телевизором или с газетой в руках, в костюме ли и на рабочем месте, в поезде или на воздушном транспорте, если нужно было что-то там подтянуть поскорее. Ни с того ни с сего в голову влезла какая-то до безобразия смешная формулировка-трактат: кого-то знакомя с документами, он не раскрывал источник.

Глупость какая-то.

И эта неопределенная дребедень все из того же шпионского мира. Мира, где ответы всегда порождают новые вопросы. Ни одного четкого не найдешь. Как у дипломата со стажем.

Встал с удобного кресла, на котором сидел, с каким-то буддистским настроением: будущее рождается сегодня. Даже не встал, а уступил место дочери. Та (настоящий юзер с тонкой нежной кожей и большими глазами) быстренько повозила мышкой, и в комнате из настольных колонок раздалась музыка. Ладно хоть в музыкальном плане у отца с дочерью расхождений почти не наблюдалось («Мое воспитание», – многозначительно подметил Михаил Васильевич). Комната как-то постепенно теплым июньским дождем пропиталась, а не бурно наводнилась старым добрым рок-н-роллом Брайана Ферри: «Let's Stick Together». Устойчивое выражение. Но если перевести буквально, то получится «Давайте воткнемся вместе».

Теперь вот кто-то «воткнулся» в смятенные чувства Артемова по телефону. Жена домашнему предложила Мише подойти к телефону. Для нее Миша как работал в военной разведке, так и... Короче, не скрывал свою принадлежность военного разведчика все по тому же шпионскому постулату: ответы всегда порождают новые вопросы. Ну раскинул бы он в свое время широченную сеть, что работает завхозом на конеферме, и тут же посыпались вопросы: «А пистолет тебе зачем? А, спецзадание, понятно... погоди, я его тряпкой протру... а почему это в нем нет хотя бы одного боевого патрона? На всякий пожарный?» И взгляд обнадеживающе-лукавый. Проснешься вот так поутру, а на кухне начальник ГРУ жарит яичницу. Будем, скажет генерал армии по прозвищу Спрут, ловить крупную рыбу. И бросит в рот малюсенькую маринованную тюльку.

– Да, Артемов, слушаю, – привычно представился Михаил Васильевич с таким настроением, будто тяпнул стопку «Столичной», не поднимая головы с подушки.

Молодой услужливый голос спросил, не сможет ли Михаил Васильевич прибыть завтра в двенадцать ноль-ноль на Пречистенку. Хорошее вообще-то предложенье. Только чего он

забыл на Пречистенке? Да и Пречистенку сразу не обойдешь, а по Пречистенской набережной будешь топтать до самого Кремля.

До Кремля?!

Вот оно! И только спустя секунду-другую Артемов понял, что именно имеет в виду незнакомец с голосом вышколенного адъютанта. И – засобирался. С вечера.

Вчера с Михаилом Артемовым произошло рядовое, теперь можно сказать, событие: он в одиночестве ходил в театр, названия которого даже не запомнил и что давали – тоже. Отчего-то запомнилась напротив театра стройка, забранная стандартной зеленой сеткой; за ней леса какие-то, котлован, техника. Настроение еще вчера было паршивым, его не исправило представление посредственных и сильно гримированных, если не сказать размалеванных, артистов.

Военной форме Артемов предпочитал гражданскую одежду; да и не те времена, чтобы являться на люди, подобно легендарному Фоксу, в форме и имея на всякий случай соответствующий орден на груди.

Он выходил из театра последним, даже «вешалка» уже не работала. На выходе к нему подошли двое молодых симпатичных милиционеров и попросили предъявить документы. Артемов предъявил и снисходительно-терпеливо ждал, когда юные стражи ознакомятся с ними. Потом вдруг нутром почувствовал задержку. Один милиционер оставил удостоверение личности полковника при себе, а второй – старший по званию – начал что-то тихо докладывать в рацию.

Не прошло и пары минут, как рядом оказался худощавый тип лет сорока, с большой залысиной и безвольным лисьим личиком. Принял он у младшего товарища артемовское удостоверение и тоже впился в него своими хитрющими глазками. Артемов же, что удивительно, ничего не спрашивал о причине столь непонятной задержки, инцидента, короче; во время антракта в буфете вроде бы всего чуть-чуть к коньячному бокалу приложился.

Потом лис похлопал по раскрытой ладони корочками и спросил, не слышал ли Михаил Васильевич (вычитал имя-отчество в документе и стал ими оперировать – самый что ни на есть распространенный прием среди стражей порядка) выстрелов. Говорил о двух выстрелах, хотя и одного-то многовато: Артемов только что покинул здание. И вроде наводящего вопроса: сам-то лис слышал всего один хлопок, а вот второй?.. Нет ли у вас оружия, Михаил Васильевич? Откуда? А патронов? Ну, если нет оружия, то откуда взяться боеприпасам. Тут Артемов, машинально ударив себя по боковому карману пиджака, обнаружил там что-то. Вынул «макаровский» патрон.

«Выстрелы были слышны оттуда», – как ни в чем не бывало сказал лис в звании капитана. И показывает на ограждающую зеленую сетку, где обнаруживается брешь. И еще одна брешь – в голове полковника военной разведки: все толковые мысли из нее ускользнули как проворные рыбешки. Он в ступоре видел, как на него направлена видеокамера; он не сопротивлялся, когда его вели к «месту преступления». Он первым шагнул за зеленую брешь, подсвеченную с ковшового экскаватора мощным прожектором, поднялся по скользкой глиняной круче (услышал голос то ли понятого, то ли еще кого-то, что на этом месте будет возведена самая быстрая формульская трасса).

Дальше случилось самое страшное. Страшнее не могло привидеться полковнику даже в кошмаре. На глиняной же круче, накрытая полиэтиленом, лежала молодая обнаженная женщина; свесившаяся рука в крови.

– Ну так как, Михаил Васильевич, – услышал он лисий голос, – слышали ли вы выстрелы?

Чувствовал каждый волос на голове, словно слегка седоватые пучки накручивали, как на бигуди, на треклятый патрон, найденный в его кармане. А себя спрашивал: «Почему я молчу?» Ни слова еще не сказал в свою защиту.

Теперь его снимали уже тремя видеокамерами и с трех сторон.

– Снимите! – приказал плешивый капитан и глазами указал на прозрачный саван.

Артемов повиновался. Полиэтилен сполз к его ногам, и он увидел молодое красивое лицо; убитая как две капли похожа на одну из лесбиянок из «Малхоланд драйва». Такие же чувственные губы, громадные ресницы, высокий чистый лоб, белая матовая кожа.

А сам Артемов даже не бледный, а зеленый, трупного цвета.

И тут эта ведьма приподняла свою голову, царственным жестом подала зеленому уроду свою ручку...

Вокруг зазвучали несмолкающие аплодисменты. Через них Артемову слышался чей-то голос: «Мы снимали вас в прямом эфире. Наши поздравления! Вы стали участником программы «Игра». И – наши извинения!»

Вот тут Артемов и пожалел о том, что не обзавелся привычкой носить с собой станковый пулемет.

И – проснулся.

Причем в не самом плохом настроении. Чудной и жутковатый сон, от которого запросто (даже во сне) может съехать крыша, то ли развлек его, то ли еще что-то. Во всяком случае первое, что ощутил Михаил Васильевич, проснувшись, – это широченную улыбку на своем лице. Ночной розыгрыш показался ему приятным.

Он встал, бодрым шагом направился на кухню (жена уже ушла на работу и даже не оставила записку: «Вставай!»), налил в чашку кипятка, насыпал своего любимого растворимого кофе, бухнул туда пару таблеток сукразита – подсластителя, это вместо сахара (согласно инструкции, один пузырек заменяет шесть кило); с ним, пришел к выводу Артемов, кофе вкуснее, открываются доселе неизвестные вкусовые качества – то ли самого кофе, то ли сукразита. Бред, может быть. Но только – может быть. Вот он одно время с медом пробовал – туфта туфтой, затируха. Глотаешь горчичного цвета мутное пойло, в горле – жжение, в голове – зуд: птичку жалко.

Хор-рошее настроение. Не чета вчерашнему. И погода чуть изменилась. Вчера было просто облачно, сегодня с добавкой: «с прояснениями». Неспроста.

Включил дочкин музон. Вчера в деке японского сидюшника торчал диск Брайана Ферри, теперь же по комнате разнеслась песня Джеймсон «Take Control». «Взять под контроль» – вольно и, наверное, не совсем точно перевел Артемов. Ничего музыка. Во всяком случае лучше нашей попсы, по крайней мере в слова не вникаешь. Слушая приятный женский голос Джеймсон, Артемов полусутоливо переводил: «У меня мурашки от моей Наташки».

Наша попса.

До двенадцати далековато. Можно и брюки погладить, и заехать на автомойку, чтобы привести в божеский вид свою «четверку».

А лучше всего опоздать. Не мальчик же, чтобы приходить по звонку. Прийти вовремя означало прискакать с бегающими заинтересованными глазами и высунутым, как у собаки, языком. Четверти часа будет достаточно, решил «вольный» Артемов.

В том, что сегодня 1 апреля, Михаил Васильевич убедился, когда спустился за газетами. Он едва успел вытащить из почтового ящика «Известия», как ему в глаза бросился перечень организаций, где предусматривается прохождение альтернативной гражданской службы. Во-первых, это Академический ансамбль песни и пляски Российской армии имени Александрова. Во-вторых, редакция журнала Минобороны России «Ориентир». В-третьих, Культурный центр вооруженных сил...

Продолжение было на пятой странице, где «оглашался весь список» должностей служащих. Буквально по порядку: агроном, администратор, акушерка, артист балета, артист оркестра, артист хора, аэролог... Замыкал перечень юрисконсульт.

«Это ж каким дубовым нужно быть юристом, чтобы пойти работать юрисконсультом на альтернативной основе? – призадумался Артемов. – И какую иметь ориентацию, чтобы податься в акушерки?..»

1 апреля 2004 года, четверг

Офис управления Минобороны на Пречистенке был отремонтирован в стиле «модерн». И вообще походил на круговую панораму: все восемь граней холла – центрального места – соприкасались прозрачными стенами восьми же основных кабинетов. В центре этого восьми-стороннего атриума находились несколько длинных столов, образующих полумесяц. Масса светильников, вмонтированных в потолок, передавали атмосферу открытого неба. Обилие мониторов, расположенных на уровне человеческого роста, транслировали международные новости в режиме on-line. Стильные часы на стенах показывали время разных часовых поясов и надписями под ними напоминали шкалу радиоприемника: Лондон, Берлин, Стамбул, Москва, Кабул, Карачи... В довершение всего – современная мебель серовато-белых тонов, стеклянные двери с невесомым алюминиевым каркасом.

Первое впечатление – словно ты попал в офис компании по производству программного обеспечения. Все на молодежном демократическом уровне, служащие в основном молодые люди двадцати пяти – тридцати лет.

Кабинет начальника управления был выдержан в том же стиле. Мышиного цвета стенные панели, шкафы-купе, стеллажи, удобные мягкие кресла, необычного вида стол, напоминающий крышку рояля, телевизор марки «Леве», стоящий у дальней стены.

Казалось, атмосфера этого офиса не терпит военной формы. А вот российский флаг, символика вооруженных сил и портрет президента только подчеркивали современное направление одной из российских спецслужб.

Одетый в строгий костюм и галстук, генерал-майор Борович принимал в кабинете своего немецкого коллегу Фридриха Бергера и двух представителей немецкого сыскного агентства «Дер Фаден Ариадне» – Марту Зельман и Георга Стоффера.

Генерал дал им оглядеться. Возможно, они представляли себе меблированную по-советски контору с серыми окнами, вышколенными адъютантами, сутулыми и чихающими от пыли секретаршами, стучащими узловатыми пальцами по клавишам печатной машинки. Кто знает, может, испытали что-то вроде разочарования, оказавшись в офисе европейского класса, для них более чем привычного. Во всяком случае, никакой новизны не увидели. Наверное, для них было бы в диковинку увидеть совсем другой интерьер в духе Лубянки и в их же, немецком, представлении об этом мрачноватом заведении.

Марта Зельман указала на «Леве» и одобрительно покивала кудрявой головой: «Зер гут». И дошла до откровений:

– Даже в моем офисе нет такого телевизора.

– Отчего же? – сухо зато осведомился Борович. – Ведь это ваша, немецкая марка.

– Да, но очень дорогая. Нам не по карману. У меня «Панасоник». Правда, такой же громадный. – Марта показала руками. – Вы большой транжир, господин Борович, – пошутила глава сыскного агентства. Однако серые глаза немки остались настроженными.

– Не я, – лениво отмахнулся генерал-майор. – У меня дома тоже «Панасоник». Но чуть поменьше. – Вздернув рукав пиджака, молодежавый генерал с черными непослушными волосами отметил время. Еле заметно покачал головой: полковник Артемов опаздывал. – Придется подождать, – сказал он. – Хотите перекусить? – Может, Борович хотел до конца поэкспериментировать с немцами, дав им попробовать прояснить демократичную ситуацию в управлении (которую он мог охарактеризовать коротко: приток крови при сохранении преимущества) как бы еще и на вкус. – Сэндвичи, кофе?

Рыжеватый Стофферс встрепенулся и сказал нечто странное:

– С майонезом?

Марта Зельман, сидевшая напротив, двинула его под столом по ноге. Как ей показалось, незаметно: с полуулыбкой на лице и глядя прямо на русского генерала.

– Не любите майонез? – попробовал угадать Борович, припоминая надоедливые сюжеты из американских фильмов, где каждого второго героя выворачивает от майонеза.

– Он его терпеть не может! – вместо Стофферса ответила Зельман. Она в упор посмотрела на товарища: «Молчать, кретин!»

С Георгом она познакомилась в 1999 году на пикнике. Вскладчину накупили продуктов, шнапса. Марта выгружала из машины пакеты и передавала подруге Стофферса Аните. Анита не была похожа на кассира, однако Марта по непонятной причине оглашала содержимое пакетов: «Колбаски. Шварцвальдская ветчина. Пиво. Водка. Майонез». – «Прячь скорее! – засуетилась Анита и бросила быстрый взгляд на своего приятеля. – А то сожрет!» – «Водку?» – не поняла Марта. «Майонез! Салаты заправлять будет нечем. Он его банками лопает».

Как выяснилось позже, Стофферс, приходя к кому-нибудь в гости, сразу лез в холодильник в поисках майонеза. Без него он, как без топлива, жить не мог. Ему даже кличку дали – Ausserirdische – Инопланетянин.

Александр Борович, которого часто сравнивали с Мансуровым – заместителем начальника ГРУ в 50–60-х (чернобровый, с улыбочивыми глазами и правильными чертами лица) – так ничего и не понял. А когда Стофферс снова открыл рот, Марта повторно сунула ему по голени.

По-русски они разговаривали бойко. Особенно – глава сыскного бюро Зельман. У нее были волнистые волосы, серые выразительные глаза и словно припухшие веки. Вообще она больше походила на финку. А ее соратник Георг Стофферс – на вологодского парня. В особенности его руки с широкими ладонями, созданные, казалось, для тяжелого крестьянского труда. Округлое лицо, брови «домиком», полноватые губы. Он не был похож на командос, хотя принимал участие в военных операциях на Ближнем Востоке и Балканах в качестве наемника. В «Der Faden Ariadne» попал исключительно за свои обширные связи в вышеназванных регионах и умение вести переговоры с местными группировками. Основная работа «Ариадны» – освобождение заложников, нередко – силовым путем. Агентство сотрудничало со спецслужбами многих европейских стран, но не конкурировало с американскими «профильными» конторами: тот рынок был полностью занят ⁴.

В штат «Faden Ariadne», работающей в тесном контакте со страховыми компаниями, входили как силовики, так и опытные юристы.

Данный конкретный случай, который вывел агентство на новое поле деятельности, предполагал сделать то, что обычно происходило на новом витке: налаживание новых связей. Что означало пополнение как базы данных, так и личного опыта.

Спустя четверть часа в офис генерала Боровича вошел мужчина лет сорока, одетый в теплую куртку. У него было слегка продолговатое лицо, сумрачный взгляд человека, которого оторвали от дел.

– Добрый день, – поздоровался он.

– Здравствуйте, Михаил Васильевич, – привстал генерал, пожимая гостю руку. – Раздевайтесь, присаживайтесь. – Начальник отдела подождал, пока Артемов снимет куртку, и представил гостей: – Полковник Фридрих Бергер – наш коллега. Марта Зельман – глава частного сыскного агентства «Ариадна»; ее компаньон Георг Стофферс. Господа, это Михаил Васильевич Артемов, человек, которого все мы хотели видеть.

⁴ Крупнейшим потребителем услуг частных военных компаний является США. С 1994 по 2002 годы Пентагон заключил с частными военными компаниями более 3000 договоров на общую сумму около 300 миллиардов долларов. «По материалам «Независимого военного обозрения».

Стофферс вопросительно округлил глаза и хотел о чем-то спросить, но Зельман снова пнула Инопланетянина под столом.

Фридрих Бергер, вставая, извинился: дела. Свою работу представитель бундесвера сделал, и его присутствие при обсуждении деталей было необязательным.

С молчаливого согласия Марты хозяин кабинета повторил историю захвата в плен предпринимателя Яна Баника.

Не далее как вчера министр обороны принимал своего немецкого коллегу, прибывшего в столицу России с рабочим визитом в рамках сотрудничества двух военных ведомств. Собственно, тема беседы соприкасалась с рабочей поездкой гражданского главы военного аппарата ФРГ Питера Штрука, однако не могла быть увязана с ней напрямую. Вскользь или как-то иначе, но Штрук попросил оказать содействие некой полувоенной организации, которая по роду своей деятельности сотрудничала с бундесвером.

– Некто Ян Баник – немецкий предприниматель, – приступил к делу Борович, – в конце октября прошлого года попал в плен к чеченским боевикам. – Больше он обращался к Артемову, на членов «Ариадны» бросал лишь короткий взгляд. – Машину, на которой передвигался Баник, остановили на федеральной трассе М-29 Ростов – Баку люди, по словам очевидцев, одетые в форму федеральных войск. Это случилось в нескольких километрах от Самашек. Ачхой-Мартановский район Чечни, – уточнил Борович. – Из Чечни предпринимателя вывезли в Азербайджан. По последней информации, сейчас он содержится – вот тут интересный момент, – заинтриговал генерал, – не в Ахметском районе Грузии, а недалеко от Поты, почти в русле Риони.

Артемов покивал и на всякий случай приготовил блокнот и авторучку. Историю с немецким предпринимателем, которая робко и на злобу дня (в стиле инфотеймента) торкнулась на вторые или третьи страницы российских газет и не вызвала ни здорового, ни хилого ажиотажа, он слышал. Подумал, что беделлага может разделить судьбу своих коллег-предпринимателей из Англии и Новой Зеландии, обезглавленных чеченскими бандитами. Кто знает, может, этот Ян Баник не сунулся бы на Северный Кавказ, если бы не те же самые СМИ, которые утюжили, разглаживая складки, горные и предгорные районы Чечни, где прошли легитимные выборы президента. Как дети, они радовались положительным отзывам наследников лорда Джда: «Чечня встала на мирные рельсы». Только шпалы под ними никто не менял, менять не собирался и не собирается.

– «Ариадна», которую представляет госпожа Зельман, специализируется на освобождении заложников, – продолжал генерал-майор. – На этом рынке она функционирует уже три года, если не ошибаюсь.

– Да, – кивнула Марта. – В основном в Боснии, Хорватии, Черногории, Македонии.

– У нее хорошие связи среди военных, юристов, страховых компаний, тех же боевиков и прочее, – скупно похвалил Борович. И дальше сказал то, что не могло понравиться немецким гостям, сказал так, словно они были либо глухими, либо не понимали по-русски: – Эта фирма по сути – часть одного конвейера, и с каждым новым преступлением, связанным с захватом заложников, конвейер удлиняется. Но мы обсуждать эту тему не будем. Структура этого механизма проста: захват, переговоры, обмен или выкуп. В основном спонсорами выступают страховые компании, если, конечно, у заложника открыт страховой полис. Нет – тогда спонсорами выступают родственники.

Генерал надел очки в оригинальной оправе, которая делала его глаза монголоидными, пробежал бумагу и передал Артемову, выразительно приподняв бровь: «Прочти».

Полковник прочел не совсем грамотно, как бы наспех подготовленную справку:

«Дер Фаден Ариаднэ». На российский рынок агентство вышло вынужденно. Грузинские спецслужбы, с которыми «частники» вели переговоры, отказали им в содействии, и этот вопрос положили в ящик стола.

Американцы, «приватизировавшие» Грузию, не дают своим специалистам, находящимся в республике, сотрудничать с немецкими официальными и частными лицами, к которым обратились родственники попавшего в плен немца...»

Артемов прервал чтение, чтобы неприкрыто покивать, поскольку в «этом вопросе» видел «большую» политику, прямую установку Белого дома против строптивного рейхстага, выступившего против войны в Ираке.

«Фаден Ариаднэ» вынужденно отступила в Россию, – продолжал читать Артемов. – Немцы многого не требуют. Им нужен консультант, имеющий опыт проведения операций, связанных с освобождением заложников именно из «чечено-грузинского» плена. Человек, который вплотную сталкивался с этой проблемой и хорошо знает менталитет как чеченцев, так и грузин».

– Прошу прощения. – Бесцеремонно и на правах хозяина Борович поманил Артемова из кабинета, оставляя немцев одних, и прошелся с гостем по холлу роскошного офиса. – Прочел? – спросил он, плавно переходя на «ты». И вслух подсадовал, что не смог переговорить с полковником до этой беседы.

– Прочел, – ответил Михаил Васильевич.

– Что думаешь по этому поводу?

– Собственно, задача простенькая, – откликнулся Артемов, – если бы не одно «но»: предстоит найти не просто эксперта, а специалиста-практика в области антитеррора. Эксперта со связями в этом направлении: проводники из местных жителей, полулегальные дорожные коридоры, горные тропы и так далее. Другая сторона вопроса, связанного с любыми мероприятиями немцев на территории Грузии, нас, как я понял, не касается.

– Да, пусть делают что хотят: ведут боевые действия, эвакуируют пленного. Свою работу они знают.

– Что у них со временем?

– Времени, оставшегося у «Ариадны», хватает только на силовую операцию, – ответил Борович. – Переговоры с похитителями стали невозможны из-за отказа грузин в помощи. В общем, твоя задача – свести немецких «частников» с нашим «частником».

Артемов широко улыбнулся: он – посредник – из той же «частной» категории.

– При любом раскладе он не должен бросать тень, – Борович демонстративно заслонился рукой от стильного светильника, – ни на военную разведку в частности, ни на Минобороны в целом.

Непроизвольно взгляд Артемова упал на справку, которую он продолжал держать: «Der Faden Ariadne». Что переводилось легко: «Нить Ариадны», или «Ариаднина нить». Громкое и многообещающее название для подобного бюро. В нем изначально была заложена реклама. Плюс «нить» в руках женщины, главы агентства Марты Зельман.

– Мне досталась роль обычного сводника? – попенял генералу Артемов.

Борович рассмеялся, склонив голову к плечу.

О Боровиче полковник знал не так много. Выходец из Главного управления международного военного сотрудничества Минобороны, успел поработать в военной контрразведке. Раньше из окна своего кабинета он мог видеть внутренний дворик Минобороны и старую постройку метро «Арбатская» в центре, а если повезет, то министра, выходящего из подъезда с козырьком. У военного министра есть свой лифт, на котором он поднимается на свой же пятый этаж. У Боровича лифта нет, но зато есть роскошный офис и совсем другой вид из окон.

– Да нет, Михаил Васильевич, – ответил генерал на вопрос полковника. – У тебя остались связи в «Аквариуме»?

– Откуда? – улыбнулись глаза разведчика.

– По своим каналам выясни все, что касается деятельности агентства, – потребовал генерал-майор. – Возможно, это маска; а невинная, на первый взгляд, просьба немецкого коллеги, – генерал кивнул в сторону двери, за которой полчаса назад скрылся полковник Бергер, – может вылиться в серьезную игру.

Артемов понял, о чем толкует Борович. Расширение контактов между военными разведками России и Германии не означало снижение активности резидентур ГРУ в фатерланде. К тому же придется до конца прояснить ситуацию с отказом грузинских спецслужб в помощи немецким коллегам.

Артемов хорошо знал тему подобных частных агентств. Есть такие, которые предоставляют не только небольшие охранные и разведывательно-диверсионные группы, но и целые боевые части до батальона. Среди их клиентов встречаются порой гуманитарные организации, но в основном это правительства и многонациональные концерны. И в том, что глава одного военного ведомства просит за некую полувоенную организацию у другого, – ничего странного не было.

– Собственно, для этого я и привлек тебя к делу, – продолжал Борович. – Мне нужны твои связи в ГРУ. С действующими разведчиками я в силу разных причин контактировать не могу. Не обижайся, но ты уже не действующий разведчик, однако и не отработанный материал, пока еще свежий. В общем, ты то, что надо. Именно тебя я смогу привязать к «Ариадне». Если вскроется что-то по твоим каналам, ты продолжишь работу чисто в контакте. Если что-то выгорит, то нам обоим.

– Посмотрю, что смогу сделать, – пообещал полковник. И понял, что никакого специалиста-практика в области антитеррора, эксперта со связями в Грузии ему искать не придется.

Правоту его выводов подтвердил сам Борович.

– Потянешь время, – сказал он, – сошлешься на то, что есть эксперты, которые с закрытыми глазами проводят в Панкиси, а в районе Поты мы никаких спецопераций не проводили. В конце концов, проводник не опоздает, если появится за два-три дня до начала операции. Но то будет уже на территории Грузии. С глаз долой, – холодно улыбнулся генерал.

Оба офицера вернулись в кабинет.

– Переговоры зашли в тупик? – спросил Артемов Марту, присаживаясь напротив и закидывая ногу за ногу.

– Пока нет, – ответила Зельман. – Мы долго работаем в этом бизнесе и знаем, когда нужно сворачивать переговорный процесс. Если тянуть до последнего, то потеряем время, а значит, и шанс вытащить заложника. Чеченцы, насколько я знаю, – психи. – Она бросила короткий взгляд на Боровича и акцентировала: – *В любой момент могут убить заложника.*

– Сколько у вас осталось времени? – продолжил опрос полковник.

– Максимум неделю можно потянуть.

– Ну что ж, тяните. Желаю удачи.

– И все? – удивилась Марта.

– А что, вы ждете моего разрешения? – спросил Артемов, уже с этого момента начиная тянуть резину. И повторил то, что минуту назад сказал Боровичу: – Я посмотрю, что смогу сделать. Потребуется время, чтобы найти нужного человека. Оставьте мне контактный телефон для связи.

Марта протянула полковнику визитную карточку.

– Подчеркнутый номер – сотового телефона, – пояснила она. Потом как-то совсем по-русски, пряча взгляд, вынула из полиэтиленового пакета две бутылки вина. Одну пододвинула ближе к Боровичу, другую – к Артемову.

Вообще полковник не любил таких жестов. Не глядя на бутылку, спросил:

– Грузинское?

Марта удивленно вскинула брови:

– Почему?.. Ах, да, простите... Нет, бургундское – «Weibherbst». – И взяла на полтона тише, но, как и прежде, с едва уловимым ударением: – *Я же не все это время была в Грузии.* Разумеется, не раз приезжала в Германию.

6

Альянс полувоенная организация – полувоенный же человек-консультант от военной разведки – это только начало, обнадежил Борович. Не беда, если с немцами ничего не выгорит. Когда за гостями закрылись двери роскошного офиса, Борович в лоб спросил:

– Хочешь вернуться на службу, Михаил Васильевич?.. Обещаю походатайствовать на самом высоком уровне.

Не в военную разведку вернуться, сделал дополнение Артемов, а к Боровичу, в одно из подразделений Минобороны. Вообще Артемов ожидал пусть не множества, но достаточного количества предложений. Но все они не могли быть желанными, что ли. Он потерял в качестве – и это был самый главный мотив. Он навсегда ушел из военной элиты – ГРУ. А роль человека со связями в управлении военной разведки его не могла устроить по определению.

– Минэкономразвития собирается обзавестись своей внешнеэкономической разведкой, – заикнулся было он.

Генерал даже не дослушал собеседника.

– Мировая экономика, торговые войны, предпринимательство, – с усмешкой перечислил он. – Нудно, во-первых; а во-вторых, все это в проекте. И кто рискнет переделать действующую «милитаризованную» систему внешней разведки на «сбалансированную»? Ну так как, Михаил Васильевич?

На упорство Боровича по вопросу трудоустройства полковник откликнулся стандартно:

– Дайте подумать.

Начальник управления дал – сразу же сунув несколько листов-опросников.

Анкета, которую Артемов пробежал глазами, была стандартной, во всяком случае он видел всякие, даже такие, в которые были «вмонтированы» пара-тройка провокационных (зашифрованных) вопросов. Сами по себе они безобидны, но вот ответы на них вкуче давали единственный результат – вне зависимости от качества данных ответов. И это был один из излюбленных приемов спецслужб, особенно – контрразведки. Боровича же можно было назвать специалистом в этом направлении. Собственно, писать, отвечать на любые вопросы бывшему полковнику ГРУ было ни к чему, проще запросить его досье (если дадут, конечно) и как бы устно или в той же письменной форме восполнить пробелы.

И все же Артемов согласился – отчасти из любопытства. Ему не отвели специального кабинета, а оставили у Боровича; сам генерал-майор сновал из кабинета в кабинет, по-деловому суетясь.

Артемов снял пиджак и повесил его на спинку стула, вооружился шариковой авторучкой. В тест-анкете на каждый вопрос нужно было выбрать один из трех вариантов. Она отличалась от стандартной: в ней именно задавались вопросы от второго лица, а не от первого.

1. Вы интересуетесь политическими событиями современной международной жизни?

да, постоянно;

время от времени;

нет.

На первый вопрос, «набирая очки», полковник, вооружившись еще и очками, ответил: *да, постоянно .*

2. Круг ваших интересов и увлечений?

Достаточно широк .

3. В профессиональной деятельности вы предпочли бы:

Работать с людьми.

4. При возможности выбора вы предпочли бы работу, которая дает:

Умеренный, зато стабильный заработок.

5. Вам легко дается иностранный язык?

И тут Артемов ненароком скаламбурил. *Трудно сказать.*

6. Вы проявляете устойчивый и глубокий интерес к истории, культуре, образу жизни в зарубежных странах?

Да.

7. Работа, связанная с риском и опасностью:

Для меня привлекательна.

8. У вас хорошо развита память на лица и имена?

Да.

9. Вы уверенно и практически безошибочно ориентируетесь в незнакомой местности?

Да.

10. Вы умеете быстро переключаться с одного вида деятельности на другой?

Когда как.

11. У вас есть все основания сказать о себе, что вы человек физически выносливый?

Сомневаюсь.

12. Вы наблюдательны, т.е. замечаете существенные детали чего-либо, на что другие не обращают внимания?

Тут Артемов впервые отошел от формы (вообще форма вопроса показалась ему непрофессиональной, корявой, что ли) и написал: *насчет других не знаю.*

13. Вы умеете четко, ясно и кратко излагать свои мысли?

Да.

14. При прочих равных условиях вы скорее стали бы работать:

И снова удивление Артемова: на выбор было три варианта и все явно не равные: *таксистом; не уверен; программистом.* Он написал: *не уверен.*

15. Если по условиям работы вам будет нужно вместе с семьей на длительный период переехать на жительство в другой город, то это:

Вызовет определенные неудобства.

16. Вы легко можете найти повод для вступления в контакт с незнакомым человеком, провести с ним беседу по важному вопросу и произвести на него при этом приятное впечатление?

И снова Артемов ушел от ответа «в лоб». Его ответ был таким: *Для меня всегда это важно.*

17. Думаете, что сможете легко общаться с иностранцами?

И снова Артемов, невольно вспоминая немцев, не «набрал очков», снова «отсебятина»: *Не думаю.*

18. Располагая минимумом справочного материала, вы можете в короткий срок подготовить важный документ для доклада руководству?

Подмывало ответить: «Выкручусь». Артемов ответил «честно»: *Это потребует усилий.*

19. При решении поставленных задач вы предпочитаете:

Иметь рекомендации моих руководителей.

20. Состояние своего здоровья вы оценили бы как:

Удовлетворительное.

21. Вы обладаете силой убеждения и умеете влиять на людей с помощью логики и аргументов?

В достаточной степени.

22. Вы настойчивы, т.е., как правило, добиваетесь поставленной цели, преодолевая препятствия и сопротивление?

Да.

23. Вы умеете работать в группе, успешно сотрудничать и ладить с людьми?

Да.

24. Вы устойчивы к внешнему давлению, умеете переносить его, сохраняя самообладание и целеустремленность?

Не всегда.

25. Вы умеете гибко приспосабливаться к новым ситуациям?

В целом, да.

26. Вы можете назвать себя внешне представительным человеком?

Да.

27. Вы умеете рационально распределять свое время?

Когда как.

28. Если вам нельзя будет говорить друзьям и даже членам семьи сведения о месте и содержании вашей работы, то это вас будет беспокоить?

Да.

29. Вы готовы выполнить указание своего непосредственного начальника, даже если не уверены, что это приведет к успеху?

Да.

30. Вам трудно находить общий язык с людьми, которые резко отличаются от вас манерой поведения, уровнем интеллекта, моральными принципами и т.п.?

Иногда.

В конце, неожиданно вспоминая свой странный сон, Артемова подмывало задать вопрос в стиле фильма «Игра» с Майклом Дугласом в главной роли: «Вы чувствуете вину, когда мастурбируете?» И ответить: «Сильно сомневаюсь».

Когда Артемов закончил писанину, немного развлекшую его, Боровича в офисе не оказалось. Секретарша, обворожительно улыбнувшись, предложила сдать опросник ей и сообщила, что с ним, Артемовым, обязательно свяжутся.

7

Трехкомнатная квартира Артемова была разделена домашними на части. Одна комната принадлежала дочери, вторая – лично главе семьи и называлась «опасной зоной»; именно там полковник мог делать что угодно: курить, спать с открытой форточкой. Может, домочадцы втихаря радовались, что хозяин не обзавелся привычкой пикировать на скрипке. Зал назвался «розовой» комнатой – жене и дочери во время очередного ремонта пришла идея наклеить там розовые в мелкий цветочек обои. Золотистый ретривер по кличке Дик официально занимал коридор, неофициально – хозяйничал на всей территории.

Откинувшись на спинку кресла в своей комнате, Артемов пил крепкий кофе с пенистым сукразитом, наполовину состоящим из соды, курил одну сигарету за другой. Из головы не выходил визит в офис Боровича. Полковник был наблюдательным, не расслаблялся ни при каких условиях. В целом беседа с немцами, отдельный разговор с генералом и прочие «мелочи», включая глупый опросник, подозрений не вызывали. Попросту потому, что сомнениям не находилось места. Но все же, был уверен Артемов, что-то важное ускользнуло от него. Что-то важное, что скрылось за той же мелочью. Во всяком случае, об этом говорил внутренний дискомфорт полковника. Такое чувство, сопоставил он, словно выпался хорошо, но не на своей постели. Провел время на свежем воздухе, но вдали от привычной «зеленой зоны» с ее неповторимым и, главное, родным кислородом, пусть даже чуть подпорченным близостью желез-

ной дороги. Надышался приторным кондиционированным воздухом, сравнил он под конец. Рационально должен бы радоваться, а эмоционально – что-то мешало.

Немцы немцами, поведение чужаков анализу как бы не подлежало. Но вот хозяин Минобороновского офиса...

Чтобы сбить подозрения, Артемов переключился на генерала Боровича. И анализы поперли, как скинхеды на кавказцев.

Был приветлив, улыбчив. Вообще такому человеку всегда есть что скрывать. Но Артемов как бы отлежал бока на данном конкретном случае. Если генерал-майор Борович что-то скрывал (читай – играл), то мог легко спрятать так глубоко, что не выкопаешь даже ковшовым экскаватором из странного, как и сам фильм «Малхоланд драйв», сна.

Словно пересматривая фильм, Артемов воспроизвел едва ли не каждое слово, каждый жест генерал-майора.

Речевых оговорок вроде бы не было, тирадами не страдал, в уклончивости замечен не был. Речевыми ошибками не маялся, а вот паузы были.

Что там еще можно нарыть из глубокого поведенческого проявления?

Повышение, понижение тона, более громкая и быстрая речь...

Каким бы ни был опытным разведчик, он всегда допустит ошибку – это уже правило.

Возрастание количества жестов?

Учащенное или замедленное дыхание? А вот этого-то как раз от генерала не дождешься. У него не легкие, а компрессор, не сердце, а пламенный мотор.

Потение? Так вокруг столько механиков с тряпками...

Учащенное сглатывание? Он же не вампир... Сюда при случае можно приткнуть присасывание и причмокивание, укутывание шарфом укушенной другим вампом шеи, частое зависание в воздухе, ставшем вдруг затхлым, замогильным.

Так, понесло на булгаковщину...

Смазанные выражения...

Учащенное моргание, расширение зрачков, слезы. Если слезы, то крокодиловы.

Румянец, бледность.

Страх, гнев, смущение, возбуждение, скука.

Скука...

Пожалуй, скука-то разок-другой промелькнула на генеральской физиономии. Так, когда это было? В каком месте беседы?

У Артемова даже пересохло во рту. Неважно, что там стоит за скукой: он всегда привык играть на равных, а если не получается – шансы всегда, всегда нужно уравнивать. И вдруг – неожиданно для себя – воспроизвел недавние мысли об укутывании шарфом шеи. Тут все верно: если генерал вел игру, то не по своей воле, короче, был укушенным. Кем? Вопрос прост до классического безобразия: другим вампиром – скорее всего, старшим.

Скука, скука... Что еще?

Гнев?

Почему гнев?

Нет, не гнев – а пренебрежение...

Все стало вставать на свои места.

Артемов понял, где прокололся Борович, когда повел себя с гостями как с непрошеными татарами. *Когда в офисе уже не было полковника Бергера, представителя бундесвера.* Генерал сказал то, что не могло понравиться немецким гостям: «Эта фирма (немецкая „Ариадна“), по сути – часть одного конвейера, и с каждым новым преступлением, связанным с захватом заложников, конвейер удлиняется. Но мы обсуждать эту тему не будем. Структура этого механизма проста: захват, переговоры, обмен или выкуп...»

Борович общался с гостями пренебрежительно, машинально пренебрежительно, утратив на время контроль над собой. И – не получил в ответ от немцев даже укоризненного взгляда.

И еще эта наспех подготовленная справка, которую и справкой-то не назовешь. Вот самые «корявые» цитаты из нее: *вышло вынужденно; «частники» вели переговоры; и этот вопрос положили в ящик стола; немцы многого не требуют...* Такие бумаги только для туалетного пользования годятся. Если и ставить гриф, то американский: «Не для распространения». Точнее не придумаешь.

Скорее всего, эта справка была подготовлена аналитиком, которому приказали быстро подготовить письменный отчет. И вряд ли указали причину задания.

И еще один момент выяснил Артемов: в управе Боровича нет штатного редактора, который исправил хотя бы стилистику справки. Не побывала она и на вычитке более грамотного сотрудника.

Но это так, анализ, побочный продукт. Теперь к главному, к выжимке.

Связи. Борович спросил о связях в ГРУ, ему нужен человек со связями. Связи, конечно, остались.

Сейчас Артемов работал, не имея ни одного факта, на одном чутье военного разведчика. И все же факты, основанные на подозрениях, были. Взять хотя бы то, что сироту Артемова самым неожиданным образом приютили, накормили и твердо пообещали усыновить. Потом. Ты ешь, ешь. Да не так! Не сутулься, не чавкай, ешь над тарелкой.

А вообще полковник решил воспользоваться вполне дельным советом Боровича «пробить» немецкую «Ариадну». Хотя генерал-майор отдавал себе отчет в том, что у Артемова связи хоть и остались, но к ним его не подпустят на пушечный выстрел. Так для пропорции спросил или удочку закинул? Или подравнял маленько полковника под себя, чтобы ему, генералу, было комфортнее вести беседу? Может, и так, поскольку три полковничьи звезды самым мистическим образом зачастую сливаются в одну большую. Знамение?

Все это ерунда по большому счету, но пренебрегать ею не стоит. Но и торопиться нет смысла. Нужно выждать. Хотя бы один день, он может многое прояснить. И Михаил Артемов оказался прав.

Глава 2 НИТЬ АРИАДНЫ

8

2 апреля 2004 года, пятница

Только вчера полковник назвал себя сводником, и вот в этой роли выступил сам Борович. Собственно, Артемов ждал этого неперемного шага. Генерал-майор начал с того, что во вчерашней беседе они затронули немало тем, коснулись множества деталей, но упустили один важный момент. Речь шла о деньгах, об оплате. «А как быть с обещаниями насчет работы в военном ведомстве? – прикинул Артемов. – Куда приткнуть анкетирование? Что это, праздные разговоры и пустая писанина?»

– Чтобы не ходить вокруг да около, – продолжил Борович. – Конкретная работа требует конкретной оплаты. На первых порах тебя устроит зарплата в конверте? – полушутливо спросил он.

– Черная бухгалтерия? – в тон генералу ответил полковник.

– Зеленая, я бы сказал. Я не получу ни копейки, а вот твой работодатель – «Ариадна», с нее и спрос. Я говорил с Мартой Зельман на эту тему. Деньги они черпают из страховых компаний, стригут с клиентов. Так что не отказывайся от «тонны зелени».

«Что я, дурак?» – выразительно поднял бровь Артемов.

– Ну, вот и отлично. Мы тут поработали с картами, посидели со специалистами. Нашли подходящий плацдарм для тренировок боевиков «Ариадны».

С места в карьер, подумалось Артемову. Не далее как вчера Борович впрямую отмахнулся: «С глаз долой».

Михаил Васильевич не стал переигрывать и спрашивать, согласован ли этот вопрос с вышестоящим руководством. Вообще понимал, что его не держат за дурачка – не такие люди работают в управлении генерал-майора Боровича. И уже сегодня с ним начали играть в открытую (вчерашний день можно считать генеральной репетицией). То, что демонстрировал Борович по отношению к Артемову, просилось называться антиоперативным внедрением последнего. То есть продвижением антиконфидента (Артемова) в ближайшую среду противника, закреплением внутри нее и приобретением оперативно значимых позиций, позволяющих своевременно получать необходимую информацию. Легендой же полковнику Артемову служило его незавидное прошлое.

Нет, ему не демонстрировали свою власть, не предупреждали и не давали понять, что он один, за ним никого нет и никогда не будет; если у него и был когда-то канал связи⁵, то прервался раз и навсегда. Но именно все это стояло за каждым словом, за каждым жестом Боровича.

Игра была неравной – полковника просто использовали, а не перехватывали инициативу; установление же с ним контакта было до безобразия простым.

Артемов же «огрызнулся» тем, что вел оперативную игру, по сути – незримо перехватывал инициативу у противника. Но догадывался ли об этом Борович?

⁵ Средство для передачи информации от передатчика (агента) приемнику (оперативному офицеру).

Генерал (сегодня он уже не спросил о связях Артемова в ГРУ) полагал, что на сто процентов знает, о чем думает бывший разведчик. Единственная тактика выброшенного на помойку полковника, полагал он, – оставаться в стороне. Любой промах Артемова будет стоить ему головы. А вдруг все эти позы – блеф? А вдруг нет? Вот и все ответы. Для разведчика их слишком мало и слишком много.

А время идет. И чем меньше его остается, тем меньше шансов у Артемова «скинуть» информацию о тайной операции, которую готовило управление Боровича. И скоро это время иссякнет.

У полковника, полагал начальник управления, был еще один вариант – продолжение предыдущей темы: продать имеющуюся у него информацию. Но опять же: у него не осталось каналов связи. Но все это так, мелочная мысленная перестраховка, тасование колоды.

Борович расстелил, как скатерть, на столе карту и пригласил Артемова стать рядом. Карандашом генерал-майор очертил место.

– Район поселка Дымный, Дагестан. Собственно, что мы тут имеем... Береговая полоса, взгорье, за ней небольшая равнина, наконец строение – какой-то давно заброшенный завод, не знаю. Очень похоже на местность, где содержат немецкого бизнесмена. – Пауза. – Грузию имею в виду. Недалеко от Поти. Через несколько дней и перебросим вас туда.

– Собраться-то можно? – спросил Артемов.

– Я же сказал, что мероприятие запланировано не на сегодня. Можно, конечно.

Вот как нужно составлять документы, нервно и немного самодовольно заметил Артемов. Он знал, через кого передать и, главное, получить ответ. Всего за несколько минут в темпе стенографистки он набросал на чистых листках бумаги несколько коротких срочных телеграмм. Одна предназначалась резиденту ГРУ в Берлине, работавшему под прикрытием военного атташе, другие «молнии» – для разведчиков в Грузии и СКВО. Он здорово рисковал, подписывая как ДИРЕКТОР. «Херня, выкручусь». А «херня» заключалась в том, что на данном этапе полковник Артемов, получивший распоряжение от начальника управления Минобороны, доверять не мог никому. Даже своей жене.

Но прежде чем набросать шифровки, полковник поразмышлял о том, что у него единственный шанс выйти на военную разведку, и самым безопасным путем. Ведь он не знал, кто стоит за управой генерал-майора Боровича, может – ГРУ, которое использовало в качестве прикрытия даже управления «родного» Генштаба. Он и сам втягивался в игру и втягивал военную разведку – это в любом случае: знают ли в ГРУ про «немецкие» дела Боровича или нет. В любом случае его не тронут, пока он проявляет инициативу, а будут ждать его дальнейших шагов. Это как дважды два.

В данное время Михаил Артемов походил на члена абвера, назубок знавшего памятку о борьбе против шпионажа и измены: «Я незаметно и как можно скорее сообщаю о своих подозрениях в шпионаже или саботаже своему начальнику, не говоря об этом ни с кем. Я знаю, что эта моя обязанность распространяется на всех, то есть и на моих товарищей и даже на членов моей семьи».

Что касается «товарищей». У полковника был неплохой контакт со штаб-квартирой ГРУ, а «товарища» звали Светланой Николаевной Комиссаровой. Выйти на контакт со своей бывшей секретаршей и помощницей было проще простого; к тому же Артемов точно знал, что сделает капитан Комиссарова, проработавшая в управлении военной разведки два десятка лет.

Это был рискованный ход, но другого Артемов не видел. И такая работа на грани риска возбудила полковника – точнее, бурно возвращала его к родным пенатам.

В конце рабочего дня артемовская «четверка» отяжелела примерно на девяносто килограммов. Грузная помощница едва протиснулась в «малолитражку». Вот тут Артемов натурально сыграл настоящего шпиона. На нем были очки с непроницаемыми стеклами. Бросив быстрый взгляд в зеркальце заднего вида, Артемов газанул и помчался по раскисшей от снега

улице Зорге, несколько раз свернул, словно отрывался от преследования. И насмешливо подмечал круглые глаза слегка напуганной секретарши.

Когда остановился наконец, полуобернулся в кресле и протянул Светлане Николаевне несколько листов бумаги.

– Срочно передай эти сообщения. Найди способ оставить в них все, вплоть до запятой, поняла?

Светлана Николаевна поняла. Уже утром следующего дня шифровки Артемова читал в своем кабинете начальник ГРУ. Хотя бы по тому факту, что все они были подписаны от его имени.

Михаэлю
Лично
2 апреля 2004 года

Прошу срочно выяснить детали обращения родственников Яна БАНИКА в берлинское сыскное агентство «Der Faden Ariadne». Установить список сотрудников агентства, адреса, прежнее место работы, а также клиентов и партнеров «Der Faden Ariadne». Выясните любые дополнительные сведения о работе агентства.

Примечание: глава «Ариадны» Марта Зельман обратилась за содействием в управление «М» Минобороны России.

ДИРЕКТОР

Начальнику разведки ГРВЗ
полковнику ПЛЕШАНОВУ
Лично
2 апреля 2004 года

Прошу срочно выяснить причину отказа грузинских спецслужб от предложений берлинского сыскного агентства «Der Faden Ariadne», направленных на освобождение немецкого предпринимателя Яна БАНИКА. Предположительно БАНИК содержится в районе г. Потти. Выяснить, кто именно из руководителей грузинских спецслужб и в какой форме отказал «Der Faden Ariadne».

Примечание: глава «Ариадны» Марта Зельман обратилась за содействием в управление «М» Минобороны России.

ДИРЕКТОР

Начальнику разведки СКВО
полковнику *НОВИКОВУ*
Лично
2 апреля 2004 года

Выяснить, как продвигается операция по освобождению немецкого предпринимателя Яна БАНИКА. Какие шаги предпринимает СКОУ ГУ МВД ЮФО ⁶для ее завершения. Выясните, кто из данного подразделения контактировал в этом деле с МГБ Азербайджана, по территории которого проходил трафик пленного, и Грузии.

ДИРЕКТОР

⁶ Северо-Кавказское оперативное управление Главного управления МВД по Южному федеральному округу.

Отложив шифровки в сторону, генерал армии Ленц в упор посмотрел на Комиссарову. Светлана Николаевна была одета в темную мешковатую юбку и пеструю кофту, от которой рябило в глазах.

– Он тебе передал это...

– Вчера, ровно в 18.30. В своей машине. Мы встретились на углу Хорошевки и Зорге.

Спрут не стал спрашивать, имели ли место словесные дополнения полковника, и так ясно, что не было. Он взял со стола авторучку и, буркнув под нос: «Слепой я, что ли...», вычеркнул из текста двух первых телеграмм примечания: *глава «Ариадны» Марта Зельман обратилась за содействием в управление «М» Минобороны России.*

Эта отдельная строка предназначалась лично начальнику ГРУ. Тому, кому адресована телеграмма, такие детали совсем ни к чему. В общем, в каждой телеграмме было по два ключа. Одним Артемов указывал на конкретное военное подразделение. Что оно собой представляет, кто им руководит и кто его курирует, генерал армии знал наверняка.

СПРАВКА

Управление «М» (литера не расшифровывается). Создано по приказу министра обороны с наделением статуса спецслужбы внутри министерства с ориентацией на обеспечение собственного оперативного мониторинга и прогнозирования кризисно-конфликтных и других отслеживаемых процессов; с опорой на системно-обобщенный охват комплекса информационных потоков от других управленческих инстанций Минобороны (юридически не оформлено). Прикрытием служит деятельность управления в сфере международного военного сотрудничества. Подразделяется на отделы, включая отдел боевого планирования, имеет в своем штате специальных агентов. Финансовое обеспечение идет с секретных счетов Минобороны.

Глава управления генерал-майор Борович, будучи в звании подполковника и возглавляя один из отделов военной контрразведки, «участвовал в махинациях, связанных с размещением крупных валютных средств Минобороны на счетах коммерческих банков...» ⁷*Тесно сотрудничает со спецотделами МИД, осуществляющими разведоперации за рубежом. Имеет доступ к секретным архивам. Глава управления состоит в личном подчинении министра обороны.*

Кто на кого набрел – Артемов на Боровича или наоборот – не суть важно. Важно другое – по сути, «левое» управление со статусом спецслужбы, в основном играющее в грязные игры на отмытых деньгах. В данное время начальник ГРУ рассуждал по-восточному: ему было все равно, кто заслонил солнце – луна или черт, – ему надо знать, какое это предвещает бедствие. Если бы в штате военной разведки был монах-астролог, генерал вызвал бы его немедленно.

А пока он вызвал адъютанта и пододвинул на край стола артемовские запросы.

– Срочно в работу, – распорядился генерал.

Срочность впечатляла. Уже вечером не только начальник ГРУ получил ответы, их читал и Артемов. Читал улыбаясь: похоже, его единственный шанс сработал. Спрут передал ему сообщения через контакт Комиссарову. За то, что шеф разобрался в игре Артемова, говорил и тот факт, что полковник получил на руки не подлинники телеграмм, а их дубликаты: они были адресованы не Директору, а старшим оперативным офицерам ГРУ, якобы делавшим запросы. Если в руки Боровича попадет шифровка на имя шефа военной разведки, он в одну секунду расставит все по своим местам, за грозной подписью сразу разглядит прямую угрозу, и игра с ним прекратится тотчас.

Контакты. Эти телеграммы доказывали, что у Артемова остались надежные контакты со старшими оперативными офицерами, но никак не с руководством.

⁷ В течение 1992–1995 годов из армейской казны было уведено более 60 триллионов рублей – треть свободного ресурсного потенциала вооруженных сил в 1993 году, что равно 4 военным бюджетам России. Виктор Баранец «Потерянная армия».

От Новикова полковнику Еременко

Лично

3 апреля 2004 года

По данным, полученным от источника в СКОУ ГУ МВД ЮФО, ситуация складывается следующим образом. Оперативная группа данного подразделения, в чьей разработке находится дело о похищении немецкого предпринимателя Яна БАНИКА, во главе с подполковником милиции ЯВОРИНЫМ выезжала в Тбилиси, где провела консультации с оперативниками управления по борьбе с организованной преступностью МВД Грузии. Результаты этой встречи неизвестны. Есть основания полагать, что вопрос отложен на неопределенное время.

Дополнения. Оперативная группа ЯВОРИНА на данный момент расследует более шестидесяти аналогичных дел.

С представителями МГБ Азербайджана, в частности с пресс-секретарем этого ведомства, контактировал тот же подполковник ЯВОРИН. В МГБ категорически опровергают тот факт, что по территории Азербайджана – цитата: «проезжали заложника».

Новиков

От Плешанова полковнику Еременко

Лично

3 апреля 2004 года

... Удалось выяснить следующее.

Переговоры немецкой «Фаден Ариаднэ» с грузинскими спецслужбами зашли в тупик примерно за неделю до того, как Эдуард ШЕВАРДНАДЗЕ объявил о своей отставке. А на следующий день – 24 ноября – Михаил СААКАШВИЛИ приказал своим сторонникам захватывать местные органы власти в городах и селах в расчете на контроль мэрий и префектур. Но даже в такой «революционной» обстановке переговоры с немецкой компанией не прерывались еще минимум три недели.

Данные, которыми я располагаю, говорят о следующем. Глава «Фаден Ариаднэ» Марта ЗЕЛЬМАН имела тесные контакты с министром внутренних дел Грузии Кобой НАРЧЕМАШВИЛИ. Но министр первым подал в отставку. Также ЗЕЛЬМАН несколько раз беседовала и даже заручилась поддержкой министра обороны Грузии Давида ТЕВСАДЗЕ, ставленника США, работающего в тесном взаимодействии с американцами. Однако именно ТЕВСАДЗЕ в категоричной форме отказал «Фаден Ариаднэ» в помощи и рекомендовал сотрудникам агентства покинуть страну.

Плешанов

Последнюю телеграмму Артемов сопоставил с данными, полученными в ходе беседы с представителями «Ариадны». Все совпадало – что и требовалось доказать. Но в телеграмме от начальника разведки ГРВЗ были новые детали: шеф МВД Грузии тесно контактировал с немецкой «Ариадной», а прикрыл «лавочку» не кто иной, как босс военного ведомства. В общем один подавал надежды, а другой зарезал их.

«А если поразмыслить на эту тему? – спросил себя Артемов. – Министр внутренних дел не мог сразу отшить докучливых немцев, он мог тянуть резину вечно, не предполагая, что лопнет она 23 ноября 2003 года в 19.51 по московскому времени. Но вот чего ради он тянул эту резину? Ведь с суммой выкупа за немецкого предпринимателя вопрос был закрыт, дело оставалось за встречей с похитителями».

Что не устроило шефа грузинского МВД? За такое плевое дело любые деньги подарок. Была какая-то причина, по которой он тянул эту проклятую резину.

Добился ли он своего?

В общем, результат налицо: немцы в России.

Их вытеснили из Грузии на единственный приемлемый для них плацдарм.

А что дальше?

Дальше то, что происходит. Они вышли на военное ведомство России. На одно из управлений Минобороны.

Уже похоже на игру.

Какова цель? Вовлечь российских военных в силовую операцию на «нейтральной» территории? Ради одного немца? Не на того поставили.

Но если все так, то при чем тут управление Боровича? При чем тут лично он, контрразведчик и специалист в области международного военного сотрудничества? Такое чувство, что немцев взяли в тиски, поставили вилку.

«Ариадна» всегда идет до конца. Тут либо восклицательный знак, либо пара вопросительных – без разницы. Почему «Ариадна» прет с таким упорством? Так, словно ее погоняют, тянут за единственную вещь, которая есть у нее: нить.

Распутать бы ее.

Поставили вилку... По всему выходит, что так.

Не хватало одной детали, мелочи, которая бы поставила все на свои места.

Хватит, решил закругляться Артемов, иначе голову сломаешь. Без яиц яичницу не сделаешь. Нужна дополнительная информация.

Свою активность перед Боровичем полковник решил ограничить двумя шифровками. Хватит с него и двух. Ни много, ни мало – главное, они доказывают, что Артемов вовсю работает на контору генерал-майора и дальше готов выполнить любое поручение.

Впрочем, все будет зависеть от шефа: если Артемов получит на руки телеграмму, адресованную на имя того же полковника Еременко (кто этот Еременко – Артемов не знал, скорее всего, нет такого человека в оперативном управлении), то с ней ознакомится и Борович. Содержание же конфиденциальных радиogramм Артемов узнает из отпечатанных на «Роботроне» Светланы Комиссаровой, где не будет никаких «шапок» и «подвалов», а только текст.

И снова обмен телеграммами.

От Михаэля ДИРЕКТОРУ

Лично

4 апреля 2004 года

Агент Альта имела контакт с представителем страховой компании «Дойче Грант», тесно сотрудничающей с фирмой «Фаден Ариаднэ», Эмилем ХЮБНЕРОМ. Из беседы с ХЮБНЕРОМ выяснилось, что «Фаден Ариаднэ» приняла обращение за помощью в освобождении Яна БАНИКА, взятого в плен чеченскими боевиками, от его жены Деми БАНИК 12 октября 2003 года. Направляясь в Чечню, БАНИК оформил в «Дойче Грант» страховой полис (в интересах «Дойче Грант» сумма, на которую БАНИК застраховал свою жизнь, не разглашается). «Дойче Грант» заинтересована в освобождении БАНИКА, чтобы не выплачивать страховку его жене Деми БАНИК. Страховая компания является единственным спонсором «Фаден Ариаднэ» в деле БАНИКА.

От Михаэля ДИРЕКТОРУ

Лично

4 апреля 2004 года

Агент Альта сообщает, что ее сотруднику не удалось провести беседу с совладельцем «Фаден Ариаднэ» Карлом ЗЕЛЬМАНОМ (бывший муж главы «Фаден Ариаднэ» Марты ЗЕЛЬМАН) под предлогом журналистского расследования по делу о похищении Яна БАНИКА. По

словам сотрудников агентства, ЗЕЛЬМАН вместе с дочерью от брака с Мартой ЗЕЛЬМАН Каролиной уехал к родственникам в Австрию (называется город Линц).

Михаэлю

Лично

4 апреля 2004 года

Установить в кратчайшие сроки местонахождение Карла ЗЕЛЬМАНА. Для этого использовать связи Альты. Строго рекомендовать Альте избегать личных контактов со знакомыми и родственниками ЗЕЛЬМАНА.

ДИРЕКТОР

9

Берлин, Германия,

4 апреля 2004 года, воскресенье

Агент российской военной разведки Анна Гуче (Альта) работала заместителем шеф-редактора берлинской «Вельт» и имела обширные связи, в том числе в политических и экономических кругах Германии. Она вызвала в свой кабинет репортера из региональной корсети Августа Оппа. Опп был мастером журналистских расследований и лишних вопросов не задавал, даже если его материал не выходил в свет. В свою очередь, он имел обширные связи в полицейском управлении.

– Хочешь потягаться в оперативности с настоящими сыщиками? – спросила Гуче. Тридцатилетняя незамужняя завкор была одета в толстый шерстяной свитер и темную юбку, пальцы правой руки венчали два золотых кольца. У нее были короткие волнистые волосы, голубые глаза и доброжелательная улыбка.

«Как скажешь», – пожал своими мясистыми плечами репортер. В кабинет шефа он зашел с дымящейся сигаретой и, подойдя к столу, стряхнул пепел в пепельницу. Потом вынул из кармана репортерской безрукавки блокнот и приготовился записывать.

– Выясни, куда пропал Карл Зельман.

– Второе лицо сысканого агентства? – спросил Опп. Он добивался встречи с Зельманом, но так и не добился. Так, прогулялся до конторы «Ариадны» без толку. Опп всегда придерживался правила работать только на «хорошо». Сработает на «отлично», все равно скинут балл.

– Он, – подтвердила Гуче. – Доведи дело до конца. Единственная ниточка почтенной дамы – это австрийский Линц, куда якобы Зельмана занесло с целью навестить родственников, правильно я поняла?

– В общем, да.

– Вопросов нет, – в утвердительной форме закончила Гуче.

Альта была опытным агентом. По себе знала, что чем меньше вопросов, тем меньше подозрений.

Что касается «Ариадны». Недавно именно в берлинской «Вельт» вышла статья военного обозревателя Дитриха Александера:

«Предложение частных услуг делает войну эффективнее и выгоднее.

Выигрывают обе стороны: частным военным компаниям и их сотрудникам светят высокие заработки, а риск заказчиков из государственных или экономических структур и их сотрудников минимизируется. Убитые «бойцы

по контракту» не упоминаются ни в какой государственной статистике. Их смерть столь же анонимна, как и их деятельность».

Не в полной мере, но это относилось и к «Ариадне».

Анна Гуче остановила репортера оригинальным способом: довольно громко, как в рекламе туалетной бумаги, свистнула. Август обернулся и увидел, как шлепнулась на край редакторского стола жиденькая пачка евро. Больше лица начальницы он не видел: Анна склонилась над статьей, показывая завитки своих золотистых волос.

От Михаэля ДИРЕКТОРУ

Лично

6 апреля 2004 года

Сотрудник газеты провел по заданию Альты собственное расследование относительно местонахождения Карла ЗЕЛЬМАНА и его дочери Каролины, и вот что ему удалось установить.

1. Последний раз ЗЕЛЬМАН навещал свою сестру Катрину ВИТТЕ в сентябре 2003 года. Хотя, по уверениям ВИТТЕ, он гостит у нее с 26 марта с.г. по сей день, но в данное время он находится у своего друга – австрийца Иосифа НОВИЦКОГО, проживающего в Зальцбурге. Проверка данного лица опровергла показания ВИТТЕ. НОВИЦКИЙ был знаком с ЗЕЛЬМАНОМ, однако они не виделись около пяти лет.

2. По служебному сотовому телефону ЗЕЛЬМАН не отвечает, а личный отключен за неуплату услуг 28 марта с.г. Однако именно по служебному телефону ЗЕЛЬМАН два раза звонил в офис «Фаден Ариаднэ» и коротко интересовался положением дел в агентстве. По словам сотрудников агентства, ЗЕЛЬМАН звонил из Линца.

Проверка других родственников и знакомых ЗЕЛЬМАНА не дали положительного результата; заявлений об исчезновении от родственников ЗЕЛЬМАНА в полицию не поступало. Его местонахождение, равно как и его дочери Каролины, не установлено.

10

Москва, 6 апреля 2004 года, вторник

Вот и поставлена точка. Не вопросительный или восклицательный знак после бодрой фразы: «Ариадна» всегда идет до конца». Она шла до конца по той причине, что муж и дочь Марты Зельман были похищены. *Но не чеченскими боевиками.* Чеченские террористы при всей своей отваге и изощренности не затеяли бы игру в несколько этапов, где на каждом нужно брать заложников. Хотя в этом деле, ставшем для них вроде искусства, они поднаторели, действовали привычно и смело, расчетливо. Как всегда.

Можно запросить данные, которыми располагала военная разведка, а можно смело положиться на мониторинг правозащитного центра «Мемориал». В Чечне в прошлом году были похищены 473 жителя республики. Из них 156 человек были освобождены или выкуплены, 48 найдены убитыми, судьба 269 неизвестна. И вот слова руководителя «Мемориала» Олега Орлова: «Эти данные неисчерпывающие. Мы проводим мониторинг только на тридцати процентах территории Чечни. По нашим приблизительным оценкам, число 473 похищенных нужно умножить в три или четыре раза, чтобы понять реальный масштаб происходящего»⁸.

За год было похищено около полутора тысяч человек... Для чеченских террористов похитить человека все равно что сыграть партию в домино. Механизм отлажен и никогда не дает

⁸ «Независимое военное обозрение».

сбоев. Но в случае с немцами сбоя было не миновать. Такая игра по силам лишь могущественному ведомству, организму, а не отдельным, хотя и хватким, клешням.

Вилка. Немцам поставили вилку.

Артемов снова связался со своей бывшей секретаршей и буквально отдал распоряжение:

– Сотовую трубку Марты Зельман на контроль. – И продиктовал номер телефона, указанный в визитной карточке немки.

– Слушаюсь, шеф, – как ни в чем не бывало ответила Светлана Николаевна.

Как оказалось, это распоряжение было отдано вовремя. Буквально через час с четвертью на домашний факс Артемова пришла распечатка телефонного разговора: Марта Зельман – Катрина Витте.

ЗЕЛЬМАН: Здравствуй, Кэт, как дела?

ВИТТЕ: Марта, я ужасно переживаю, я боюсь! Ко мне приходил какой-то человек, немец, интересовался, где Карл.

ЗЕЛЬМАН: Успокойся, они просто проверяют тебя.

ВИТТЕ: Нет, мне показалось, он из полиции.

ЗЕЛЬМАН: Он был один?

ВИТТЕ: Да.

ЗЕЛЬМАН: Он спрашивал только про Карла?

ВИТТЕ: Да, о девочке он не спрашивал.

ЗЕЛЬМАН: Значит, он не из полиции... Кэт, он говорил с акцентом?

ВИТТЕ: Я не заметила... У тебя есть новости, как Карл, как наша малышка?

ЗЕЛЬМАН: Да, с ними все в порядке, я поддерживаю контакт с человеком, который выходит на связь.

ВИТТЕ: Марта, бога ради...

ЗЕЛЬМАН: Успокойся, Кэт, я знаю свое дело, скоро они будут дома.

Может, Артемов допустил ошибку, но действовал скорее эмоционально. Он набрал номер сотового телефона Марты Зельман, также указанного в распечатке. И только чудом этот телефонный разговор не был зафиксирован специалистами из управления «М».

Марта находилась в своем гостиничном номере, когда на трубку поступил звонок. Высветился двенадцатизначный номер. «Они...» – побледнела Марта. Как бы ей хотелось нажать на другую клавишу, чтобы отказать абоненту... А под номером призывно мерцало это короткое слово: «Отказать».

Но как откажешь?

А призывная трель «Сименса» проникала в каждую клетку. Влажные после душа волосы немки словно покрылись инеем. Трель стала жутким предвестником выткавшегося перед глазами надменного человека. В его позе, во взгляде, даже в аккуратно подстриженных седоватых висках читалась привычка убивать. Не вздохнул и чувствуя возбуждение убивать, а хладнокровно умерщвлять.

Он внушал больший страх, нежели палач. Марте казалось, он был пожирателем душ. Он брезгливо морщился от вида крови, но шумно втягивал в себя горячий выдох жертвы. Гурман, дегустатор. Фотограф, делающий снимок, на котором, кроме застывшей жертвы, запечатлена насмерть перепуганная душа, летящая не к чистому свету, а навстречу угольной бездне и смраду.

«Он любит специфические термины: примкнул, приник, придавил спуск. Я запретил ему говорить с вами на любые темы. Он что-то говорил вам, спрашивал? Вы поняли, о ком речь? Отвечайте!»

«Нет».

– Аллю? – надтреснутым голосом ответила Марта. И – услышала другой голос.

– Госпожа Зельман, – Артемов говорил по-русски, – хочу вас огорчить: вы плохо знаете свое дело. Ни ваш муж, ни ваша малышка так скоро, о чем вы мечтаете, дома не появятся.

Пауза.

И снова надтреснутый голос Марты:

– Кто это?

– *Директор*, – вполне серьезно ответил Артемов.

– Я узнала вас по голосу, Михаил. Встретимся на нейтральной территории, согласны?

Дело чрезвычайно серьезное.

Полковник принял предложение немки сразу.

– Встретимся в Кремле, – тяжело пошутил Артемов. – Во всяком случае, поговорим без переводчика.

– Вы еще способны шутить... Вы не поверите, но я так рада вашему голосу.

– А если бы позвонил Борович?

– Вот теперь вы шутите зло. До встречи через час. Назовите место.

Досье на Марту Зельман, 1965 года рождения. Член Союза военнослужащих бундсвера⁹. Служила в армии. После демобилизации в 1988 году при финансовой поддержке родителей открыла в берлинском районе Кройцберг магазин радиоаппаратуры. Параллельно с бизнесом обучалась в берлинском институте на юридическом факультете. В 1995 году расширяет свой бизнес, становится официальным дилером концерна «Грюндиг» и начинает поставки аудио- и видеоаппаратуры этой марки в восточноевропейские страны, в том числе и в Россию. В 2000 году открывает частное сыскное агентство «Der Faden Ariadne».

Семейное положение: разведена, имеет дочь.

Предприимчива, охотно поддерживает новые идеи, способна дать дельный совет. Уверена в себе, обладает прекрасными данными талантливого руководителя. Тщательно обдумывает все предстоящие дела. Дипломатична, принципиальна, когда это необходимо.

Очень дружна с дочерью. С бывшим мужем поддерживает сугубо деловые отношения.

11

Дрезден, Германия,

26 марта 2004 года, пятница

Что-то подобное Марта видела в каком-то кинофильме. И сейчас рисовала себя как бы со стороны. Она сидела на заднем сиденье полюбившегося русским джипа «Чероки». Дверца справа закрыта не полностью – «на один щелчок», ее можно толкнуть и выскочить из машины. Но куда бежать дальше? Пуля догонит? Нет, совсем другое. Хотя все трое находящиеся в машине людей вооружены. У двоих коротко стриженных парней (им лет по двадцать семь-восемь), по всей видимости, пистолеты; третий вооружен более мощно. Марта знала много

⁹ СВБ образован 14 июля 1956 года и насчитывает в настоящее время 240 тысяч военнослужащих всех званий и рангов.

видов оружия и об этой снайперской винтовке слышала и видела ее на выставке вооружений. Лет тридцати с небольшим человек в очках с дымчатыми стеклами держал в руках американскую винтовку «M92», фирмы «McMillan», оснащенную оптикой. Во что, вернее, в кого можно стрелять из такого мощного оружия едва ли не в черте города, мирного города? Марта на взгляд определила, что весит крупнокалиберная «снайперка» не меньше десяти килограммов, остальные тактико-технические характеристики всплывали в голове как по принуждению. Патрон калибра 12,7 миллиметра «браунинг», длина его просто ужасающая – длиннее пачки сигарет, начальная скорость пули что-то в пределах километра в секунду.

Джип стоял на небольшой возвышенности у правобережья Эльбы, скрытый в кустах, отсюда хорошо просматривались автозаправочная станция и магазинчик, примыкающий к техническому зданию. Расстояние примерно двести пятьдесят метров.

Неожиданно пришло сравнение с чикагским, кажется, снайпером, который подкарауливал свои жертвы именно на автозаправочных станциях. Неужели и ей решили продемонстрировать нечто подобное? Но это же бред! Такое невозможно! И зачем? И ее сделать соучастницей, что ли?

По отношению к сервису джип стоял под небольшим углом, так что снайперу было удобно. Сошки на оружии сложены, упором служило опущенное стекло со стороны стрелка, на его кромку для пластичности положен кусок толстого поролона.

Хорошая винтовка, нервничала Марта, отличная компоновка. При сохранении прежнего ствола от «M93» общая длина оружия сократилась едва ли не на полметра. На сорок сантиметров. Что они задумали?

В руках бинокль. Отличный. Армейский. Фирмы «Zeiss Victory». В него видно даже громадную родинку под ухом служащего, заправляющего подъехавшую «БМВ». Что, в него стрелять собираются?

Марта оторвала взгляд от бинокля и покосилась на снайпера. Однако парень, сидящий рядом на заднем сиденье, приказным тоном бросил:

- Смотреть вперед!
- Куда вперед?
- Просто прямо. Ты все увидишь. И не дергайся, сиди спокойно.
- Чего вы хотите?
- Еще одно слово, и я заткну тебе пасть тряпкой!

На немецком этот парень говорил с едва уловимым акцентом. Марта много времени провела в Югославии и могла бы сказать, что акцент у него хорватский. Однако парень был русским.

«Ты все увидишь».

Что?

Сердце в груди екнуло: к станции подъехал немецкий автозаправщик серии F2000, выпускающийся на заводе в Зальцгиттере. Тяжелый, мощный, блистающий, как не менее знаменитый американский «Питербилт», хромом, отливающий свежей краской. Не нужно иметь богатого воображения, чтобы представить, как громадная пятидесятиграммовая пуля врежется в борт бензовоза...

Какими патронами снабжена эта «девятиноста вторая»? Любые убойные, хоть обычные, хоть бронебойные или бронебойно-зажигательные. А есть бронебойно-осколочно-зажигательные. Вообще жуть.

Жутко, что в городе работает группа, оснащенная таким оружием, очень удобным для диверсионных групп, мелких парашютно-десантных подразделений, пешеходных групп дальней разведки, не имеющих тяжелого вооружения.

Автозавращик остановился. Марта в любое мгновение готова была услышать: «Смотреть!» Смотреть, как после громкого хлопка взметнется в нескольких стах метрах отсюда, под оглушительный гром, столб пламени, окутанный клубами угольного дыма.

Зачем? Какова цель? Напугать? Так она уже напугана.

А в голове вертится каруселью всего одно слово: *демонстрация... демонстрация... демонстрация...* И нет этому головокружению конца.

Сейчас будут «демонстрировать»?

Глазам уже больно. Ресницы слипаются от противного пота, который заливает глаза. Окно приоткрыто, но в машине жарко, непереносимо душно.

Душно...

Не будучи ясновидящей, Марта знала, что через какое-то время ее неудержимо вывернет, выплеснет, стошнит на дорожную кожаную обивку сиденья, на свои потертые джинсы и аккуратно отутюженные брюки соседа.

Маленький «семейный» «Фольксваген-фургон» подъехал как-то незаметно. Он совершенно потерялся на фоне автозавращика, слился с его слегка зеленоватыми боками. Вот на него надо смотреть – прозвучал в голове незнакомый голос. На него.

Из машины вышел водитель – лет сорока мужчина, – перебросился парой слов со служащим, покачал головой, что-то сказал жене, склонившись к передней дверце.

А за стеклом задней, также наполовину приоткрытой, показалась белокурая головка девочки лет девяти-десяти...

И все. Марта была не в состоянии оторвать взгляда от ее красивого личика. Она боялась моргнуть, чтобы не пропустить страшный момент. Никто ей не приказывал смотреть, сама намертво приковала взгляд своих внезапно ввалившихся глаз.

Она не вздрогнула, когда в салоне прогремел настоящий гром, не зажмурилась, когда не увидела больше детской головки в салоне машины. Голову девочки словно снесло обухом топора... В одно мгновение. Словно опытный палач-садист во время удара перевернул в руках топор и нанес сокрушительный удар обратной стороной.

«Поехали!»

Кто это сказал?

– Убери бинокль, дура!

Что-то вырывают у нее из рук, а она никак, никак не хочет расставаться с чем-то, словно с памятью, пусть жуткой, но памятью.

Нет, ее не вырвало, ее прорвало слезами. Она рыдала в голос, но слышала каждое слово, обращенное к ней.

– Я убил совершенно незнакомую мне девочку. Теперь представь, что я сделаю с твоей дочерью. Если я увижу хотя бы один отрицательный жест, услышу слово «нет»... Ты все увидела. И увидишь. Когда я начну работать с твоей девчонкой, видекамера будет включена.

Этот кошмар не отпускал и не мог отпустить Марту. Она вскакивала по ночам в мокрой от пота майке, со слипшимися волосами, с тяжело вздымающейся грудью. Дергалась, чтобы в очередной раз представить, как разлетается в кровавый прах детская головка.

Марту сломали так, как не ломали, наверное, ни одного человека на этой трижды грешной земле. Ни одного.

Уверена ли была она в своих силах, если страх за дочь не так уж сильно сдавливал горло? Отчего-то Марте казалось, что все закончится хорошо, нужно только выполнять все требования этих людей. Они были единственными гарантами неприкосновенности ее ребенка, больше никто, ни один живущий на этой земле, трижды, четырежды проклятой. Только палач сможет ослабить узел веревки, только он один. *Только на него надежда.*

Москва, 6 апреля 2004 года, вторник

Из сводок группы наружного наблюдения.

...1 апреля в 16.30 объект сел в свою машину (четвертая модель «Жигулей», госномер Т309ЕК99). Проследовал по Смоленскому, далее – по Новинскому бульвару до «Баррикадной». Затем по Красной Пресне и Звенигородскому шоссе. Свернул во 2-й Звенигородский переулок и заехал на автостоянку. Поставив машину (17.10), объект умеренным шагом дошел до своего дома (Декабрьская, 9). По пути купил в киоске газету. До 8.30 следующего дня (2 апреля) из дома не выходил.

...2 апреля в 8.45 объект сел в свою машину и со стоянки повел ее обратным маршрутом. По пути не останавливался. В 9.25 вошел в офис...

В 10.40 объект сел в свою машину и вернулся прежним маршрутом домой, поставив машину напротив подъезда. До 17.15 из дома не выходил. В 17.55 на своей машине объект доехал до пересечения Хорошевского шоссе и улицы Зорге. Ровно в 18.30 в машину села женщина лет сорока – сорока пяти, одетая в длинное пальто темно-зеленого цвета. Объект на высокой скорости поехал по улице Зорге, свернул на улицу Алабяна. В районе площади Расковой объект ушел из-под наблюдения. В 20.10 вернулся домой...

...В 18.35 (3 апреля) объект снова встречался с женщиной на прежнем месте. Выяснить ее личность пока не удалось. Объект на невысокой скорости поехал по улице Зорге, однако машину с группой наружного наблюдения подрезала «БМВ» пятой серии, и из нее вышли четверо подвыпивших парней. Конфликта удалось избежать, но объект снова ушел из-под наблюдения. В 20.25 объект вернулся домой...

Борович по отношению к Артемову был контрразведчиком. То есть обязан был не доверять институированно. Он внимательно изучил сводки. 4 и 5 апреля Артемов ни с кем не встречался. Выходил из офиса, садился в свою машину и ехал домой. По пути покупал в киоске «Роспечати» газеты.

Генерал решил снять наблюдение. Артемов данное ему поручение выполнил: «пробил» «Ариадну» по своим каналам. При этом «засветил» свой контакт в ГРУ. И контакт очень мощный, скорее, из управления оперативной разведки, где Артемов проходил службу.

Проходил. Потому не мог делать запросы от своего имени. Подпишись он «полковник Артемов», какой дурак ответит хотя бы невнятной закорючкой?

И вообще сделал он не так много. Телеграммы, полученные из штабов ГРВЗ и СКВО, виделись отмазкой. Впрочем, как его попросили, так он и сделал. И заглох, резко сбросив обороты. «Двигатель» же Боровича ворчал еще два дня – с 4 по 5 апреля, когда Москву в очередной раз завалило снегом.

Что касается Марты. Вчера она полдня провела в Государственном историческом музее, где в рамках года Германии в России 3 апреля открылась выставка «Москва – Берлин, Берлин – Москва».

13

Капитан вытянулся на мгновение и, не дожидаясь приглашения, подошел к рабочему столу генерала армии, одетого в военную форму. Игоря Ленца не было на рабочем месте около двух часов, но по его же приказу тексты телеграмм, касающихся «Ариадны», незамедлительно передавались Артемову.

Ленц посверлил адъютанта своими колючими и в то же время насмешливыми глазами. Потом глянул в окно, расположенное слева от рабочего стола, и прищурился от яркого солнечного света, проклюнувшегося сквозь брешь в сизоватом облаке.

- Что у тебя? – наконец спросил он.
- Донесение от Михаэля, товарищ генерал.
- Можешь идти, – отпустил Ленц капитана.

Спрут внимательно прочел сообщение от резидента ГРУ в Берлине. В сообщении речь шла о том, что местонахождение Карла Зельмана и дочери Марты Зельман Каролины не установлено, что Карл имеет односторонний телефонный контакт. Также начальник управления ознакомился с распечаткой телефонного разговора Зельман – Витте. Артемов установил-таки, что дочь Марты похищена; однако, подумал Ленц, это и дураку понятно. Хотя Артемова таким никогда не считал. Полковник, попав в «непонятную ситуацию», сделал единственно верный ход – вышел на самого руководителя военной разведки, причем единственно возможным способом – вызвав огонь на себя. Спрут знал все до слова, о чем говорили Артемов и его бывшая помощница.

«Шеф вызывал тебя?»

«Да».

«И что?»

«Сказал, что мы оба доиграемся». «А про себя он не забыл?»

Артемов, подписывая телеграммы от имени начальника ГРУ, действительно вызвал огонь на себя. Только таким способом ему можно было избежать прямой угрозы, если ГРУ причастно к похищению дочери Марты. В любом другом случае Артемову дали бы доиграть хотя бы до середины. А так он выяснил, кто враги, а кто свои. Свои остались своими. Также не надеялся, что попадет на ковер к шефу; то, что его закатают в этот ковер и вторично вынесут на помойку, Артемов исключал изначально. «Он вел хорошую игру», – еще раз похвалил бывшего сотрудника генерал Ленц.

За круглосуточным наблюдением за одним объектом необходимо до тридцати оперативников, работающих посменно. В «Аквариуме» придерживались примерно такой же тактики. Сейчас больше сотни оперативников не спускали глаз ни с Артемова, ни с Марты и ее коллег. За Боровичем также было установлено круглосуточное наблюдение, в эту группу «наружки» вошли самые опытные «филеры» военной разведки.

Одна из групп наружного наблюдения получила нахлобучку по полной программе. 3 апреля она отсекла на своей «БМВ» «хвост», тащившийся за машиной Артемова от Хорошевки, на улице Зорге. «Он медленно ехал», – оправдывался старший группы. «А ты теперь будешь быстро ходить».

«Бумер» у них забрали.

Глава 3 ОПЕРАЦИЯ «ЦИРКУЛЬ»

14

Человека, в огромный кабинет которого вошел Александр Борович, он никогда не называл по имени-отчеству, лишь официально – товарищ генерал, не прибавляя «армии». Были бы 20-е на дворе, Борович жадно называл бы его товарищем наркомом. Он никогда не сидел напротив его рабочего стола, лишь вместе порой коротко сживали за длинным столом для совещаний, находящимся здесь же, заставленным, как на утро второго свадебного дня, бутылками с минеральной водой.

«Товарищ генерал», которого за глаза называли Зубром, любил «Дворцовую»; из крепких напитков предпочитал настоящую «Зубровку», из легких вин – грузинское «Алазани».

Он был невысокого роста, с отнюдь не представительной внешностью. Имидж делал его долго, выдерживал в деревянных бараках, казармах, под резкое гавканье строевых песен... Давно это было. Когда Зубра называли сначала «товарищ сержант», потом – «товарищ капитан»...

Зубр любил головные уборы с уродскими щегольскими высокими тульями и непомерно огромными козырьками. Раньше он обшивался в Доме военной одежды на Полежаевке, сейчас – в высококлассных ателье.

Ему очень шли очки в роговой оправе, обязательно в коричневатых тонах и с тонированными же стеклами. А к ним, в свою очередь, подходил черный военный берет без каких-либо «украшений». У него были длинные сильные руки, широкие плечи, жена-красавица и сын – явно не в нее, как и отец – коренастый и ширококостный. Он не любил мэра Лужкова, его любовь к лошадям. Он не возлюбил бы его даже за любовь к БТрам.

Когда в кабинет Зубра вошел Борович и остановился, вытянувшись, справа от стола совещаний, хозяин этого просторного кабинета, где, казалось, было полно не простых, а нэповских тараканов, поднял на подчиненного стальные глаза и снова что-то застрочил на простой, безо всякого грифа бумаге.

Кто-то не без оснований наверняка сравнивал Зубра с Ариелем Шароном, тучным мужичком только с виду, простоватым и с неуверенными движениями (уверенной рукой премьер-министр Израиля вытирал только взмокший лоб). Однако мало кто знает, что именно «в период своего политического влияния Шарон оказал очень большое воздействие на все ветви разведывательного сообщества».

Ариель Шейнерман родился в 1928 году в Палестине. Во время войны 1948 года Шарон был ранен, но вернулся в строй и в 1953 году принял участие в создании подразделения «101», которое стало прообразом спецназа «сайрет». Подразделение «101», которое совершало карательные рейды на арабские территории, насчитывало всего 45 человек и просуществовало недолго, но, по словам Шарона, «эти пять месяцев оказали решающее воздействие на борьбу Израиля с терроризмом». О практике подразделения свидетельствует получивший большую огласку рейд на иорданскую деревню Киббия ночью 14 октября 1953 года. Тогда в ответ на убийство еврейской семьи подразделение «101» – при поддержке регулярных частей – вошло в деревню, и «парни Шарона» взорвали 50 домов. Часть иорданцев разбежались, но погибли 69 человек, включая спрятавшихся в домах женщин и детей. Шарон говорил о произошедшем как о «намеренной трагедии».

Затем Шарон был назначен командующим парашютно-десантными войсками и быстро превратил их в «нетрадиционные антитеррористические силы». За 7 месяцев его люди убили 104 и арестовали 172 палестинца.

Шарон пытался создать для себя пост «министра разведки», подчинив все ветви разведывательного сообщества, добивался контроля над «Лакамом», «Моссадом» и «Шин Бет». Будучи министром обороны, Шарон создал «двор Арика» – неофициальные, но влиятельные аналитические группы, в которые входили как государственные чиновники, так и частные граждане, ветераны «Моссада», генералы, помощники министров, торговцы оружием и прочие. Он не раз пытался реализовать, иногда привлекая традиционные каналы спецслужб, а иногда и помимо них, различные военные и внешнеполитические проекты.

В общем, Зубр и был Шароном советско-российского пошиба, отнюдь не отдаленно смахивающий на израильского двойника как отдельными частями биографии, так и «общими взглядами и методами».

Может, сравнивая, кто-то пытался робко сказать или показать: его серьезные политические, по сути, миротворческие успехи сочетались с лихими и далеко не всегда целесообразными авантюрами. Ушел бы в отставку с присказкой – «устал».

Не дождетесь.

В своей конкуренции высшие чины Минобороны и Генштаба – основного органа оперативного управления Вооруженными Силами – зашли далеко. Однажды – единичный случай – по ТВ показали оперативную съемку ГРУ Генштаба (уничтожение банды чеченских боевиков парнями из спецназа ГРУ). В последующих выпусках новостей была по приказу свыше сделана существенная правка: «Оперативная съемка ГРУ Минобороны».

«Свыше» означало от Зубра.

Про него нельзя было сказать, что однажды он решил обскакать конкурентов из Генштаба, создать прецедент. Он был приглашен на совещание в Совбезе. На «мальчишнике» звучали довольно резкие заявления, особенно касающиеся «гребаных» чеченских сепаратистов, их руководителей и финансистов. Особо «досталось» некоему Магомеду Муразову по кличке Мохаммед-Эфенди. Он руководил чеченской группировкой смертников, действующей не только на территории России, но и по всей Европе. Был дружен с вождем «Хезболлы» Шейхом Хасаном Насраллой.

После совещания в Минобороны было принято решение провести силовую операцию, которая получила название «Циркуль». В ней был задействован спецназ ВМФ, специальные агенты и летающий штаб.

Мохаммед-Эфенди, обосновавшийся в одной восточной стране, был ликвидирован в ходе спецоперации, проведенной Минобороны без привлечения «мозгового центра» – Генштаба.

Россия потеряла военные базы в Ливии, Вьетнаме, Южной Корее, Монголии, в странах Европы, Сомали, Эфиопии, Египте, Йемене, Кубе. Действующие российские военные базы остались лишь в постсоветском пространстве: Белоруссии, Молдавии, Грузии, Армении, Киргизии, Таджикистане. И лишь одна-единственная база функционировала в дальнем зарубежье – в Сирии¹⁰.

Спецоперация проходила на побережье Сирии, в шестидесяти километрах от северной границы с Ливаном. И в непосредственной близости от сирийского порта Латакия...

¹⁰ Российская база (пункт) МТО Черноморского Флота арендована в Тартусе, Сирия.

Новороссийск, 11 декабря 2003 года, четверг

К встрече с генерал-майором Боровичем в подразделении спецназа ВМФ все было готово. Когда машина с начальником управления остановилась напротив базы, дежурный знаком предупредил командира спецгруппы в звании капитан-лейтенанта.

– Смирно! – Капитан, одетый в черный комбинезон и короткие сапоги морпеха, шагнул навстречу высокопоставленному гостю: – Товарищ генерал!..

– Вольно, – козырнул Борович, также одетый в военную форму. Он приветствовал командира диверсионной группы крепким рукопожатием. Бегло оглядев бойцов, выстроившихся в одну шеренгу, отвел капитана в сторону.

Они находились в рабочем строении ангарного типа, служившего также гаражом для пары 27-тонных белорусских боевых машин «2Т», предназначенных для ведения глубокой разведки и диверсионных операций. На одной из двух диверсионных лодок велись, по всей видимости, ремонтные работы: мотор и блок аппаратуры управления катером были сняты и лежали на брезенте. В ангаре пахло соляром и остывающим металлом после сварочных работ.

Это подразделение наряду с другими было передислоцировано из Севастополя в конце сентября. Переброска была связана с развертыванием на юге России новой военной группировки: дивизионы катеров в Темрюке, Геленджике и Туапсе; в Таганроге готовился к эксплуатации военный аэродром со всей необходимой инфраструктурой.

– Как настроение в команде?

– Бодрое, товарищ генерал.

– Отлично. С заданием ознакомился?

– Так точно!

Пакет с оперативными материалами и поставленной перед группой спецназа задачей капитан вскрыл сразу же, едва за нарочным, прибывшим из управления Минобороны, закрылась дверь. Прошло всего несколько часов, и вот командир подразделения воочию видит руководителя спецоперации.

Борович говорил вполголоса, если не сказать тихо.

– Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ генерал!

– Позывной твоей группы на это задание – Скорпион. Командного центра – Циркуль.

– Ясно, товарищ генерал.

– Готовьтесь этой ночью к отправке на базу. Вооружение и средства передвижения уже на месте. Официально вы направляетесь в Чечню. Этот вопрос полностью проработан здесь с вашим командованием и с военным комендантом Веденского района Чечни. Ваши командировочные направления комендант примет завтра, 12 декабря. Материалы этой операции?..

– Согласно приказу уничтожены.

– Желаю удачи.

– Спасибо, товарищ генерал.

Борович пожал руку капитану и прошел к выходу мимо вытянувшихся по стойке «смирно» спецназовцев.

Пожелание удачи больше походило на приказ – напутствия как такового в зачерствелом голосе руководителя операции не было. Капитан, который впервые в жизни получал приказ лично от генерала, пришел к выводу, что так и должно быть. Борович как бы поддерживал свой ранг, статус начальника управления, не опускаясь до мелочей. Никакой сопроводилочки в виде

улыбок и кивков. Никакого общения с рядовым составом подразделения, лишь беглый взгляд по неодухотворенной шеренге – собственно, универсальному инструменту. И все это произвело на команду соответствующее впечатление. Вряд ли повлияло на боевой дух, но определенно настроило на спецоперацию.

«Он знает свое дело», – покивал капитан-лейтенант. Нахмурился, когда поймал себя на мысли, что завидует этому генералу. Его стремительности, осанке, взгляду, его манерам. Даже его власти и видимой легкости, с которой он явился, коротко пообщался с командиром группы и... исчез, словно его и не было. Лишь запах дорогого одеколona все еще витал в воздухе, чуть разбавив рабочую атмосферу ангара.

Сирия, 16 декабря 2003 года, вторник

Начало декабря – пик непрерывных дождей, начавшихся месяц назад. А сейчас над морем, которое крушило утесистые берега свинцовыми валами, бушевала настоящая гроза. Красиво. Красноватая горная порода под ослепительными вспышками молний меняла окрас и сливалась с бьющими в нее волнами. Громовые раскаты не были однообразными; словно щадя уши бойцов, небо протяжно вздыхало, и только после этого предупреждения раздавался страшный треск, нисходящий по горным террасам и срывающийся с опорных стен. Он разве что не дробил в мелкий щебень камни и не расщеплял стволы дубов – столько в нем было мощи. Гроза напрочь разбила привычный средиземноморский ландшафт с маслинами, лаврами и финиковыми пальмами.

Это был разгар войны, объявленный Средиземноморью, и этому яростному противостоянию не было видно конца.

Стоит чуть-чуть напрячь воображение, и можно увидеть в небе ревушие самолеты, по которым бьет зенитная батарея. Вспышки в небе озаряют силуэты пикирующих бомбардировщиков и стаи юрких истребителей. Они отвечают на огонь с земли тяжелыми ударами с воздуха...

А еще дальше, «за двойной цепью гор», шел снег, который так и останется на вершинах, не успев стаять до новой зимы.

Погода благоприятствовала диверсии. Две надувные резиновые лодки «CRRC» отошли от причала базы материально-технического обеспечения. Используя весла, больше похожие на гребные лопатки, бойцы диверсионной группы, переброшенные накануне из Новороссийска, отвели лодки от пункта на три кабельтовых. Сверяясь с планом операции, заодно пропуская патрульный катер, который больше боролся с разгулявшейся стихией, нежели охранял водный район, диверсионные лодки простояли на стопе двадцать минут. После чего командир, возглавлявший шестерку бойцов на первом катере, отдал команду. Почти пятиметровые лодки взяли предельную для такой погоды скорость – примерно 6 узлов.

Пройдя пятнадцать миль, водители сбросили скорость и свернули к берегу. Побережье, обозначенное на карте как «пляж», было усеяно большими острыми камнями – первый неожиданный сюрприз, который ожидал группу.

«Пляж?!» – сверкнули в отблеске молнии глаза командира.

Он отдал команду приготовиться к высадке, остро жалея о нехватке катера обеспечения, по сути – подстраховочного и эвакуационного средства.

Вторую лодку развернуло боком и едва не выбросило на каменные пики. Бойцов накрыла волна и протащила вместе с лодкой до опасного уступа. Но тотчас схлынула, давая возможность выскочить через борт. Отыскивая приемлемый для высадки коридор, спецназовцы в быстром темпе протащили лодку несколько метров. Тут же накатила сзади очередной вал, сбивая с ног одного из диверсантов.

В этом хаосе, в этом нагромождении камней спрятать лодки, предназначенные для скрытной высадки на побережье и эвакуации разведгрупп, поистине было делом плевым.

Российские диверсанты использовали оружие и оборудование зарубежных фирм, в основном американских. Лодки «CRRC» состоят на вооружении ВМФ США. Компактные и достаточно мощные итальянские пистолеты «беретта» с глушителем и индикатором наличия патрона в патроннике. Еще более компактные пистолет-пулеметы «инграм», также снабженные эффективными глушителями. Ни одна мелочь не указывала на принадлежность боевой группы к российским ВС.

Оставляя позади «пляж», бойцы взобрались, как по обломкам разрушенной лестницы, на вершину утеса.

Командир и его заместитель, командующий второй шестеркой, сверили часы. Еще пять минут ожидания. План, маршрут, цель и прочее – все было расписано по минутам.

Наконец – точно по расписанию – вдаль показались огни двух машин.

Трое российских агентов, которые использовали ливанские паспорта и совершенно свободно говорили по-арабски, прилетели в страну разными рейсами под видом туристов и арендовали две машины: микроавтобус «Мерседес» и «Пежо-универсал». Именно они сейчас подъезжали со стороны Банияса к месту высадки диверсионной группы.

Команда «по местам», и обе машины взяли направление на южный пригород Латакии.

От «пляжа» было совсем недалеко до места, где Мохаммед-Эфенди проживал со своей женой и двумя детьми. Вот сейчас, когда до виллы Магомеда оставалось не больше километра, появилась связь со штабом. Связь и руководство осуществлялись с борта Ил-96, который в данное время в рамках пассажирского коридора пролетал над Средиземным морем в 30 милях от места проведения спецоперации. Летчики были одеты в форму гражданской авиации и знаки на фюзеляже были соответствующими. Однако какое-то время крыло в крыло с лайнером шел натовский истребитель «F-16». На борту авиалайнера находился генерал Борович, он поддерживал прямую радиотелефонную связь с диверсантами.

– Я Циркуль, как слышите?

– Я Скорпион, слышу хорошо.

Пользуясь агентурными данными специального отдела МИДа России, было точно установлено о месте проживания Мохаммеда-Эфенди, его доме, его системе охраны и оповещения.

Машины остановились в нескольких десятках метров от виллы Магомеда, окруженной пальмами, апельсиновыми деревьями, гранатовым кустами и жасминными изгородями. Бойцы вышли из машин, не закрывая дверцы, не выдавая себя ни малейшим шумом. Высокую металлическую ограду преодолели на одном дыхании. Сняли первого часового, охраняющего центральный вход. Диверсант, одетый в непромокаемый камуфлированный комбинезон фирмы «Браунинг», выбрал место, к которому приближался охранник. Отвлекая его внимание, спецназовец бросил камушек в сторону. Часовой обернулся на шум, а диверсант немедленно использовал эту паузу для нападения. Атака была короткой. Два стремительных шага вперед, и боец, одной рукой закрыв часовому рот, другой нанес ему удар ножом в правое подреберье. Прижав охранника к себе, боец провернул нож в ране и опустил мертвое тело. Жестом показал, что путь свободен.

Агент подвел двух спецназовцев к телефонному распределительному ящику. Один вывел из строя телефонный кабель, второй приготовился включить глушитель, крепящийся у него за спиной в брызгозащитном ранце. Это было устройство для создания устойчивых электромагнитных помех для всех электронных устройств в радиусе нескольких километров. Устройство настолько мощное, что было способно отводить «умные» крылатые ракеты со спутниковой навигационной системой (GPS), которым нипочем ни облака, ни дым, ни пыль.

– Я Скорпион, мы входим.

– Разрешаю, – ответил руководитель операции с борта авиалайнера.

Спецназовец щелкнул тумблером, включая глушитель, выводящий из строя в том числе и сотовую, и спутниковую связь.

Четверка бойцов осталась у центрального и бокового входа под проливным дождем; остальные восемь человек, разделившись на две подгруппы, начали штурм здания.

Двое по лестнице спустились в подвал, где находились водитель Магомеда и сирийский охранник. Диверсанты убили их из пистолетов с глушителями. Другая четверка взломала дверь в гостиную. У личного телохранителя Мохаммеда-Эфенди, сторожившего покой хозяина непосредственно у лестницы, ведущей в спальню на втором этаже, шансов не было. Он схватился за оружие, но был убит автоматным огнем.

Магомед был смелым человеком, он выбежал из спальни с пистолетом в руке. Увидел спецназовцев, стоя на лестнице. Но выстрелить не успел. Он был буквально изрешечен из четырех стволов, бойцы вогнали в него по меньшей мере сто пуль.

Среди агентов был оперативник, который снимал спецоперацию на камеру. Сейчас объектив камеры был направлен на жену Магомеда. Женщина лежала на кровати, ожидая, что ее тоже расстреляют. Она прижимала к себе двух дочерей, одна из которых ходила в местную школу. Лейтенант-спецназовец, опуская оружие, сказал старшей дочери Магомеда по-арабски с характерным ливанским акцентом:

– Позаботься о своей матери.

Внизу раздались приглушенные звуки выстрелов – это диверсанты застрелили последних охранников Мохаммеда-Эфенди, оказавших сопротивление.

Блокировка электронных устройств выключена. Командир вышел на связь.

– Я Скорпион, дело сделано, мы уходим.

– Я Циркуль. Понял. Последняя связь из точки эвакуации.

Боевики покинули дом, сели в микроавтобус с агентом за рулем, двое других агентов заняли места в «универсале», и машины на большой скорости помчались к месту высадки. Но не доехали до него около полукилометра. «Мерседес», ехавший позади на расстоянии семидесяти метров, подорвался на старом фугасе, когда агент-водитель неожиданно резко свернул в сторону, уходя от столкновения с шакалом, выбежавшим на дорогу.

Восемь бойцов и агент за рулем получили смертельные ранения. Четверо оставшихся – легкие. Они долго не могли выбраться из искореженной машины. «Пежо» остановился, от горящего микроавтобуса его отделяло больше сотни метров. Столько же было до опорного пункта жандармерии, где почти сразу же взревела сирена одной полицейской машины, потом – другой.

Командир группы сумел включить связь, но до летающего штаба доносились бессвязные обрывки:

– Циркуль, я Скорпион, у нас проблема! Подорвана машина...

Мат одного из спецназовцев в эфире:

– Б...ь, наглухо накрыло!

– Циркуль... Полицейские... Одна... Две... Две машины...

– Мы горим, ...в рот!

– Вылезай, Саня! Пошел, пошел!..

– Оставь его, он – труп! Пошел из машины!..

Последнее, что услышал командир диверсионной группы, были слова генерала Боровича:

– Скорпион... Хорошо поработали, ребята. Конец связи.

Спецназовцы не могли вести сколько-нибудь прицельный огонь – хотя бы для остротки – по приближающимся полицейским машинам. А когда выбрались из микроавтобуса, их взяли в кольцо восемь полицейских. Командир группы в отчаянной попытке вскинул автомат, но был скошен первой же очередью из «калашников». Вслед за ним полицейские положили рядового

бойца. Он пытался сорвать с себя горящую одежду, но автоматчики отреагировали на его резкие движения по-своему.

Среди выживших диверсантов оказался и лейтенант, который сказал девочке: «Позаботься о своей матери», заместитель командира группы. Глянув на удаляющиеся огни «Пежо», на котором уходили агенты, лейтенант бросил рядовому бойцу, под прицелом восьми стволов поднявшему руки:

– Что бы ни случилось – молчи. Это приказ. *Я все возьму на себя.*

Наутро полицейские обнаружили на вершине утеса следы людей. По предварительным подсчетам, их было около десяти человек. Потом были найдены две диверсионные лодки, замаскированные среди камней.

На следующий день перед генералом Боровичем по стойке «смирно» стоял военный комендант Веденского района Чечни.

– Ты принимал 12 декабря группу спецназа в составе двенадцати человек?

– Согласно документам?

– Да, – резко подтвердил Борович, играя желваками, – согласно документам.

– Так точно, товарищ генерал.

– Составляй отчет. 15 декабря в одном из труднодоступных районов группа спецназа, прибывшая для поисков отрядов Шамиля Басаева и вышедшая в рейд 13 декабря, не вышла на связь, поиск ведется силами...

– Товарищ генерал...

– Я здесь для того, чтобы напомнить тебе правила игры: не болтать и ничему не удивляться.

– Но товарищ генерал...

– Тебе жизнь дорога? Если нет, пиши следующее – при мне. Я, военный комендант Чичиков, принял и поставил на довольствие группу мертвых душ. Где люди, которых, согласно документам, ты принял и поставил на довольствие?

Комендант отвел взгляд.

– Отвечать! – рявкнул Борович.

Нечто подобное комендант пережил 26–27 февраля, когда близ населенного пункта Тазен-Кале Веденского района был разгромлен крупный отряд боевиков. Погибли шестеро морских пехотинцев, десять получили ранения. Потери боевиков составили 40 человек убитыми¹¹.

Теперь вот в два раза больше – не мертвых и не живых. Просто мертвые души.

Спецназовцы, взятые в плен, до сей поры находились в неприступной тюрьме-крепости.

По сути, это был провал. В Минобороны, планируя операцию «Циркуль», изначально решили не открывать карты ни при каких условиях (видеосъемка была предназначена «для служебного пользования»). Хотя бы потому, что после показа прессе ролика по проведению спецоперации в ответ могли услышать: «Это не будет способствовать успеху борьбы с терроризмом, отдалит мирный процесс и обострит обстановку. Это сделает Россию более уязвимой в мире».

Не дождетесь.

Зубр откинулся на спинку кресла и спросил у Боровича:

– У тебя все готово?

– Почти, товарищ генерал. Извините. Да, все идет по плану. Боевое ядро «Ариадны» через два-три дня будет на месте, боевики сразу же приступят к тренировкам.

– Пристрой к зданию сделали?

¹¹ По материалам еженедельника «Независимое военное обозрение».

– Так точно. Правое крыло готово. В основном камуфляж, лестничные марши, но большего и не требуется. Реально возвели дощатый забор и проволочное ограждение.

– Оружие?

– Боевики затребовали швейцарские штурмовые винтовки Sturmgevehr-90.

Зубр одобрительно кивнул: хорошее оружие.

– Дальше? – Немецкие пистолеты «хеклер-эмка-23», пару американских снайперских винтовок дальнего боя. «M90», – пояснил Борович, – фирмы «Баррет». Ножи, ручные гранаты, амуницию.

– Все приготовил?

– Да. Наши агенты уже закупили оружие в Бейруте.

– Последнее. Боевики уже начали работать над картами, планом тюрьмы?

– Да, товарищ генерал.

– Найди способ еще раз подстегнуть нашу немку. Не давай ей остынуть, пусть все время варится на медленном огне. Свободен.

«Про Артемова ни слова, – заметил Борович, выходя из кабинета начальника. – Артемов – это моя головная боль. Впрочем, как и все остальное».

Была бы у Боровича возможность, он бы не допустил полковника Артемова к «Ариадне» так скоро, потянул бы время. Но равнение следовало на визит главы бундесвера и его помощников. Фридриха Бергера – в частности.

«Подстегнуть нашу немку». Такая возможность у Боровича была. И он приступил к ее реализации немедленно.

16

– ...По местным законам им неминуемо грозит смертная казнь, – заканчивала Марта, вышагивая рядом с Артемовым по Воздвиженке в сторону «Ленинки». Пять градусов тепла, однако немка застегнула меховую куртку до самого подбородка и не снимала тонких вязаных перчаток. – Насколько я знаю, адвокаты пленников заявили, что если их не освободят, то они развяжут язык, точно сообщат имя человека, отдавшего приказ на устранение Мохаммеда-Эфенди и имя человека, который стоял за спецоперацией. Пока что русские диверсанты не назвали ни своих имен, ни страны, в которой проживают. Конечно, это деза, – резонно заметила Марта, – однако за ней стоит неприкрытая угроза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.